

Константин
ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ. РАНЕННЫЙ АНГЕЛ

Главы из новой книги

Один из наиболее ярких литераторов-фронтовиков, народный писатель Карелии Дмитрий Яковлевич Гусаров (1924–1995), выступая перед коллегами с творческим отчётом, однажды сказал, что 85% времени, сил и способностей занимает у него работа в журнале «Север». Именно поэтому, отбирая для публикации главы из новой биографической книги писателя Константина Гнетнева о Дмитрие Гусарове, редакция отдала предпочтение тем из них, где говорится о работе в журнале той поры.

Более 36 лет Д. Я. Гусаров стоял во главе «Севера». Смерть Сталина, хрущёвская «оттепель», годы правления Брежнева, горбачёвская перестройка... Все извивы и шараханья политики тех лет пришлось пережить главному редактору. В полной мере они отразились на журнале. Личная творческая судьба писателя Д. Я. Гусарова, как и история литературного журнала «Север», представляется точным отражением советской эпохи. Тем они и интересны для нас сегодня. Это наше недавнее прошлое, и мы должны его знать.

НАБОР ВЫСОТЫ

...Но скажу честно, журнал так глубоко вошел в душу, он стал такой неотъемлемой частью жизни, что душа невольно трепещет при любом слове о «Севере» – хорошо или плохо.

Дмитрий Гусаров

Дмитрий Яковлевич Гусаров не раз говорил, что журнал «Север» – главное дело его жизни...

Так оно и есть.

Гусаров-писатель создал три романа, пять повестей, восемь драматических произведений, в том числе в соавторстве и не законченных, и полдесятка рассказов. Для 46 лет литературной работы этого, конечно, мало.

Гусаров-редактор выпустил в свет около 330 книжек «Севера» и прочитал более 757000 машинописных страниц чужих рукописей.

Объем журнальной работы просто чудовищный...

Поражало качество его чтения. Дмит-

рий Яковлевич мог абсолютно точно назвать год и номер журнала, в котором опубликовано произведение автора, имя которого он часто знал только по переписке. Он помнил, кто, когда и что присылал в редакцию и по какой причине не состоялась публикация...

Вовсе не удивительно, что первой реакцией коллег на каждую новую книгу было недоумение: когда же он успевает писать?!

1

Во второй половине 60-х годов в судьбе петрозаводского журнала произошли события, во многом определившие его композиционно-тематический облик на долгие годы вперед. События давали серьезный толчок творческому развитию и стали результатом усилий главного редактора Дмитрия Яковлевича Гусарова и писательских союзов Архангельска, Вологды, Карелии и Мурманска. Мы уже говорили, что именно в это время журнал сменил название и периодичность, из республиканского вначале стал региональным, а затем и общероссийским.*

Тогда многим показалось, что в стране грядут серьезные перемены...

Государство чуть-чуть отпустило административные «вожжи». Было отменено искусственное разделение районов на промышленные и сельскохозяйственные с их «промышленными» и «сельскохозяйственными» парткомами, ликвидированы совнархозы. Отменен и разоряющий русскую деревню хрущевский указ об обязательных поставках сельскохозяйственных продуктов.

Драконовский налог, при котором с каждой яблони, с каждой животины на личном дворе крестьянин обязан был сдавать продукцию государству, призван был добить русского крестьянина-единоличника, обесмыслить его хлопоты на личном дворе и окончательно насадить в деревне вождеденный коллективизм.

Я помню, как мать ходила в соседнюю деревню, покупала в магазине килограмм масла, дома перетапливала и относила в город в качестве госпоставки. Тот же килограмм покупали, перетапливали и сдавали все владельцы коров. Только в нашем крохотном поселке из пяти домов, бани и магазина реальный килограмм масла в официальных статистических отчетах чудесным образом превращался в двадцать килограммов. Скот держала каждая семья, без него да без леса и огородов прожить было невозможно...

Перемены торопила интеллигенция. Расшатывая рамки дозволенного, духовной, творческой свободы добивались такие литераторы, как В. И. Белов, в ответ получая попеременно то запреты на публикацию, то изуродованные тексты, то туманы от официальной критики за произведения, которые всё-таки удавалось провести в печать.

К писательской свободе стремился редактор Д. Я. Гусаров, побеждая и проигрывая в непрерывной изматывающей цензурной войне.

Боролись и по-другому. В мае 1966 года А. И. Солженицын обратился с открытым письмом к IV Съезду советских писателей, которым призвал... отменить цензуру.

Призыв хороший, спору нет, да только не по адресу. Делегаты съезда, не меньше Александра Исаевича замордованные цензурой, ничего отменить не могли. Об этом ему, конечно, известно было лучше других.

Гусаров понимал, что наступает время для формирования вокруг журнала своего, «северного», корпуса авторов и своей читательской аудитории. Объединяющей идеей должна стать не географическая принадлежность, но отношение к традиционному русскому мироощущению, к культуре и ценностям народа, к самим корням России.

Именно в это время Дмитрий Яковлевич завёл правило, которое в 1987 году, помнится, слегка покорило меня, начинающего сотрудника: ни одно письмо из редакции не могло быть отправлено без визы главного редактора...

До прихода в «Север» я сам был главным редактором, но... Требование было общим для всех. Письма журнальных сотрудников должны быть убедительными, квалифицированными и уважительными – вне зависимости от того, кому они были адресованы. Так Гусаров воспитывал профессиональное, уважительное отношение к авторам, будь они опытные и знамениты или едва-едва осилили первый рассказ на страничке из школьной тетрадки.

Так он приручал к журналу и самих авторов.

В этой связи характерны два письма, которые удалось отыскать в архиве:

«Дорогие товарищи! Буду очень вам признателен, если сообщите мне адреса редакций журналов и крупных (не заводских) газет, выходящих в городе Петрозаводске. С уважением Н. Коняев».

* Приказ по Комитету по печати при Совете Министров РСФСР № 318 от 30 июля 1968 года.

«Дорогие товарищи! Прошу вас сообщить мне адрес петрозаводских издательств, также объяснить порядок заключения договоров с ними на издание книг.

Искренне ваш Н. Коняев».

«Искренне вашему» Коняеву исполнилось в ту пору... 16 лет. Он жил на Свири в поселке Вознесенье и ровно ничего еще не написал для журнала. Однако на каждом его письме в редакцию стоит редакторская ремарка: «автору отвечено». И как знать, выбрось сотрудник его письма в корзину в 1965-м, получил бы «Север» в 1990-м великолепную повесть выпускника Литературного института Коняева «Путник на краю поля» – о великом русском поэте Николае Рубцове. Повесть, которую журнал «Север» отметил годовой премией и которая переиздавалась уже тридцать раз...

Автор почти 120 книг, лауреат самых престижных литературных наград, известнейший российский писатель Николай Михайлович Коняев до сих пор присылает в «Север» свои новые работы.

Следует добавить здесь, что за пять лет (с 1965 по 1970 год) Д.Я. Гусаров опубликовал первые произведения 22 начинающих прозаиков и поэтов. Среди них, к примеру, рассказы и повести капитана рыболовецкого траулера из Мурманска Бориса Романова – будущего председателя Союза писателей России.

Однако для самого журнала вторая половина 60-х началась с неприятностей.

В конце зимы 1965 года ЦК КПСС принял решение об экономии расходов на периодическую печать. В Москве хотели поставить в разумные рамки процесс безудержного разрастания ведомственной печати, при котором не только ведущие комбинаты, но даже мелкие предприятия и колхозы стали заводить собственные газеты и журналы.

Ничего этого не было в Карелии. Однако на постановление нужно было реагировать. Такова была общепринятая практика. И отреагировали...

Функционеры Карельского обкома КПСС В.П.Смирнов, Л. Н. Колмовский и В. М. Айрола сообразили «подровнять» объемы журналов «На рубеже» и «Пуналиппу» («Красное знамя»), выходящего в Петрозаводске на финском языке. Почему, мол, в национальной республике русский журнал имеет 12 печатных листов, тогда как финский всего 8? Предложение об уменьшении объема журнала «На рубеже» от имени обкома ушло в Москву и тотчас было закреплено постановлением ЦК...

Ни с редакцией, ни с Союзом писателей решение не согласовывалось. Для писателей оно оказалось новостью крайне неприятной. Сам Гусаров в это время в журнале не работал, исполняя выборную должность ответственного секретаря Союза писателей республики. Пост главного редактора занимал В. М. Иванов.

– Потерпим годик, а потом, конечно же, исправим это недомыслие, – сказал первый секретарь Карельского обкома КПСС И. И. Сенькин, когда Д. Я. Гусаров поднял скандал, убедив партийных функционеров, что допущена непростительная глупость.

...Нужно ли говорить, что ни через год, ни через два, ни в течение последующих 25 лет никакими усилиями члена Правления СП РСФСР Д. Я. Гусарова, члена ЦК КПСС И. И. Сенькина, ни даже таких литературных авторитетов, как Михалков, Симонов, Марков, Тихонов, Орлов, Соболев, решить проблему восстановления объема журнала до исходных 12 листов не удалось. Вначале мешала элементарная чиновничья спесь, не позволявшая признать ошибку и переменить уже принятое решение, а позже строптивый характер журнала, с которым властям приходилось всё время бороться.

2

Известный российский писатель Виктор Астафьев заявил однажды, что для него «Север» начался с «Привычного дела» Василия Белова. Сказать так могли многие из поколения писателей и читателей, захвативших войну.

Повести начинающего вологодского писателя за почти полвека с момента выхода в свет посвящено множество работ литературоведов, критиков и ученых филологов. Она до сих пор на слуху всякого, кто размышляет о литературе XX века. И нам в разговоре о Гусарове-редакторе «Привычное дело» не обойти.

Причин тому несколько.

Повесть не только определила целое направление в российской литературе, не только изменила сложившийся к тому времени взгляд на деревню. Повесть, а точнее – борьба за её выход к читателю, помогла Дмитрию Яковлевичу найти формы и методы работы в условиях жесточайшей цензуры.

Иначе говоря, именно в то время Гусаров-редактор нащупал основные принципы ведения журнала в суровой реальности тотального конт-

роля, в которой оказались литературные, и не только, издания Советского Союза.

Важно и другое. После «Привычного дела» о писателе Белове и петрозаводском журнале «Север» узнала вся пишущая и читающая страна...

Повесть из Вологды в редакции ждали в конце 1965 года. Имя писателя было известно – выпускник Литературного института им. Горького Василий Белов издал к тому времени три сборника рассказов в Вологде и Москве, напечатал в «Нашем современнике» первую повесть «Деревня Бердяевка», а в «Севере» рассказ «За тремя волоками» («Север», 1965, №2).

«Очень хочется объединить вокруг журнала могучие силы, – писал в октябре 1965 года в Архангельск заведующий отделом прозы С. Панкратов. – В Вологде хорошо работается Василию Белову. Он для нас заканчивает новую вещь...»

Но ожидание затягивается...

1 ноября заместитель главного редактора Р. Корнев обращается в Вологодское отделение Союза писателей к А. А. Романову:

«Меня беспокоит молчание В. И. Белова, а ведь он обещал до конца октября м-ца свою повесть «Привычное дело». Я для неё резервирую место в №1 за 1966 г., т.е. хотим открыть год. Прошу Вас найти его хоть телеграммой и пусть срочно ответит – когда и что...»

Новая работа вологодского автора в Петрозаводске не только понравилась, она вызвала восторг у Гусарова, который ради неё прервал очередной отпуск, и у всех «северян», по установленной в редакции практике прочитавших повесть «по кругу». Это была правда о современной северной деревне, правда горькая, исполненная трагизма, плохо скрытого за внешней деревенской бестолковщиной и шутками-прибаутками, – та, которую ждали.

«Привычное дело» в журнале именовали открытием года. Решено было печатать как можно раньше, прямо в первом номере 1966 года. Повестью хвалились перед авторами. С. Панкратов писал:

в Вологду: «Повесть В. Белова единодушно оценена очень высоко. Он здесь её дорабатывал с учётом пожеланий редакции. Пойдёт в первом номере...»

в Беломорск: «Интересная повесть идёт в первом номере...»

в Кандалакшу: «Отличную повесть собираемся печатать в первом номере нового года, отличную. Ждите...»

Однако Дмитрий Яковлевич уже 12 лет сидел в редакторском кресле и лучше иных понимал степень «проходимости» через цензуру. Повесть Белова была уязвима и требовала неких внешних «маскировочных» манипуляций. Стали думать и вскоре такие манипуляции придумали. Действие повести перенесли из 60-х в 50-е годы – после XX съезда годы сталинщины ругать было можно. В анонсе номера, подписанном ответственным секретарем Василием Широным, «Привычное дело» названо «повестью-очерком из истории жизни одной семьи вологодской деревни». Именно таким был первоначально авторский подзаголовок. В окончательной редакции он стал выглядеть так: «Из прошлого одной семьи».

Полностью убрали главу «Пошехонская доля», в которой бабка Евстоля рассказывает детям, что «в большой деревне, в болотном краю жили невеселые мужики, одно слово – пошехонцы...». На фоне событий, разворачивающихся в повести, пошехонцы крепко смахивали на современных колхозников, с их беспорядком, нищетой и брошенностью...

Полностью снята часть «Бабкины гости», также способная вызвать неудовольствие цензоров. В ней бабка Евстоля встречает заезжего городского корреспондента и рассказывает ему в прибаутках жизнь свою и своей родни.

«Чего записываешь-то? Уж не в газету ли? Ежели меня хочешь пропечатать, дак гляди, я ведь газет не боюсь...»

От веселых бабкиных сказов берет оторопь: «Образумился я, да уж поздно было, приписали мне особь-статью, на пятнадцать лет в Колыму свезли...»

В итоге от большой третьей главы «Детки» в рукописи осталось всего... 3 машинописных страницы. Автору пришлось заново перекраивать композицию повести...

В. И. Белова пригласили в Петрозаводск, и он вынужденно согласился с предложениями редакции и на другие купюры, хоть и небольшие, но чрезвычайно обедняющие содержание повести. Среди них, к примеру, сцена убийства семейной коровы Рогули. У сцены первоначально был еще более страшный смысл: Рогуля оказалась стельной, причем носила двойню...

«Иван Африканович держал в ладонях и разглядывал еще горячий Рогулин плод.

– Двойнички были... заметно уж, – сказал Иван Африканович и выбросил плод в снег за ворота, а куровский кобель Серко, обливаясь, побежал к тому месту...»

Во многовековой системе нравственности рус-

ского крестьянина убийство стельной коровы не могло быть оправдано ничем. Только война способна хоть как-то извинить этот поступок перед судом деревенского мира...

В. И. Белов прямо от руки, на полях рукописи, вписал сцену, которой дополнил образ главного героя положительной чертой. Это сцена, где главный герой Иван Африканович выговаривает напарнику Мишке за плохое качество пахоты:

«Да ты погляди! Ты погляди, что мы с тобой творим!

– А-а, подумаешь. Все равно ничего не вырастет.

– Это... Это как не вырастет?

– И чего ты, Африканович... Опять тебе больше других надо».

...Даже красивыми рисунками произведение проиллюстрировали, что с прозой в журнале было чрезвычайно редко...

Поскольку и «замаскированная» повесть вызывала в целом удручающее впечатление о деревенской жизни, её завершили справкой в финале, вписанной обычным чернильным пером в самый последний момент перед сдачей рукописи в типографию: «Конец первой части».

В этом была своя логика, мало понятная читателю сегодня.

Советский читатель привык к тому, что в первой части произведения писатель, что называется, «нагнетает атмосферу», множит проблемы, корни которых, разумеется, уходят в тёмное прошлое, а во второй под руководством партии успешно их решает, чтобы смело шагнуть в светлое будущее. В этом созидательном позитиве и заключался, в частности, метод социалистического реализма.

Редакционные уловки сработали, и с некоторым колебанием цензор подписал повесть в печать.

Гусаров лично относил вёрстку в обллит, что бывало крайне редко. Он вспоминал:

«Начальник цензуры А. В. Черкасов колебался, выспрашивал, выпытывал меня – не будет ли беды, потом всё же позвонил секретарю ОК по пропаганде М. Х. Киуру:

«Михаил Христофорович, вот тут «Север» печатает повесть вологодского писателя о том, как они там в Вологде развалили колхозы...» Я не слышал, что ответил в трубку Киуру, но Черкасов, закончив разговор, подписал номер»*.

Очень скоро начальнику над всей карельской идеологией пришлось крепко пожалеть, что к

предупреждениям Черкасова отнесся без должного внимания...

3

Перечитывая повесть сегодня, не перестаешь удивляться гражданской зоркости писателя и мужеству редакции. Повесть буквально вопиёт о страшных даже по тем временам вещах. Исполненному веку свободная, исполненная природного хозяйского ума и творчества (одни частушки у Белова чего стоят!) натура русского крестьянина оказалась загнана в чуждые, непонятные и даже враждебные условия существования.

Вот только некоторые примеры тому:

– у колхозника нет права выехать из деревни, поскольку нет паспорта...

«У меня вся документация – молочная книжка, где бабам молоко записывают, сколько дадено», – говорит Иван Африканович**;

– работать колхозник должен большую часть суток, причём за мизерную зарплату, которую назначают («дают») по неведомым никому правилам. Жена Ивана Африкановича Катерина обихаживает 13 коров на ферме, куда уходит в 3 утра и возвращается к 11 вечера. За день ей приходится носить с фермы до 30 ведер воды... За это Катерине «дают» 40 рублей, из которых лишь 10-15 остается на еду. У Катерины в семье 9 детей...

В финале повести Катерине, не оправившейся от родов, дали «в нагрузку» еще и телятник. И не очень-то заставляли, сама взяла – из-за крестьянской совестливости: некому больше! Изболевшееся сердце Катерины не выдержало, и она умерла.

– Если колхозник содержит собственный скот, он сразу попадает под подозрение властей. «Единоличник» в устах власти – слово угрожающее, бранное, синоним слову «чужой», «не наш»... Часто луга остаются некошенными, но ему не разрешают косить на свою корову, отбирают втайне, по ночам накошенное в лесу. Коль скоро подобное делает власть, то называется оно не грабеж, а «обобществление».

* Гусаров Д. Отрывочные раздумья разных лет, Север, 1996, №2, с 80.

** Паспорта колхозникам начнут выдавать только с осени 1974 года, после выхода постановления Совета Министров СССР «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР».

«...Оглядываясь, того и жди, выйдет бригадир, либо председатель, либо уполномоченный: «А где, товарищ Дрынов, ваша колхозная совесть, с которой мы вперед идём?» И остается ему вопрошать безответно: «А пошто это шерсть у индивидуальных коров не в ту сторону растёт?»

– Колхозник обязан молча сносить чудовищную «пошехонскую» тупость разного рода уполномоченных и иных представителей власти. Вот как комментирует герой повести провал кампании по повсеместному насаждению кукурузы – «королевы полей»:

«Привезли её, не спросясь колхозников, и увезут не спросясь, дело привычное».

Отзываясь на призывы из центра о механизации сельского труда, на ферме смонтировали водопровод с автопоилками, а насос поставили... в деревенском колодце. Понятно, что вода в колодце сразу же закончилась и водопровод перестал работать... К очередному приезду начальства колхозников заставили на лошади возить воду в колодец, а оттуда, для демонстрации, насосом качать в автопоилки...

Обо всем этом Белов говорит в повести открытым текстом. И колхозники у него не безголосы, они по-своему, образно, комментируют мерзость навязанной им жизни...

Иван Африканович участник войны, фронтовик, дошел с боями до Берлина, награжден двумя боевыми орденами. Ну и что? А ничего... Власть никак не оценивает его ратного подвига и сейчас, в мирной жизни, не помогает. И вот ответ: крохотный сынишка Васька бегаёт по двору, а на животе у него болтается прикрепленный к замызганной рубашонке... орден Славы. Вот и вся, по фронтовика Дрынову, цена государственной награды...

«С Москвой-то у нас связь хорошая. Москва-то в нашу сторону хорошо говорит, – рассуждает один из деревенских жителей. – А вот еще такую машину придумать, чтоб в обе стороны, чтоб и нас-то в Москве тоже слышно было...»

Другой мечтает:

«Может, и не доживу до коммуны. А только охота узнать, а чего варить будут?»

4

«Привычное дело» вызвало восторженные отклики читателей. Они увидели реальную русскую деревню, живых и умных людей, говорящих на простом языке, страдающих от дремучей глухоты властей. И «маскировка» редакции была

тотчас разгадана. Какие там 50-е годы, если, к примеру, гарантированная ежемесячная оплата труда колхозников введена только в мае 1966 года. Во время действия повести колхозникам за труды ставили «палочки», то есть трудодни, «отovarивали» которые «натуроплатой»...

Первой цензура проснулась не в Петрозаводске, что было бы полдела. Гром грянул в Москве...

В мае 1966 года ЦК КПСС провел в Москве очередную семинар секретарей по пропаганде. Перед пропагандистами с мест выступил председатель Госкомитета по делам издательства, полиграфии и книжной торговли А. Н. Михайлов, который в пух и прах разнёс повесть В. И. Белова «Привычное дело» за идейную порочность и антипартийность.*

Секретарь Карельского обкома КПСС Михаил Христофорович Киуру вернулся в Петрозаводск с московского семинара в полном смятении чувств. Никаким идеологическим бойцом он никогда не был. Малоподвижный, угрюмый, с лицом аскета, он мог часами сидеть в президиуме с полузакрытыми глазами и не проронить ни слова. Да и говорил он по-русски с сильным акцентом, чем часто вводил в смущение участников различных совещаний.

Прожив долгие годы в России, Киуру не считал для себя нужным в достаточной степени усвоить русскую речь. Даже бравировал этим. Освоивший правила игры в коридорах партийной власти, он был функционер до мозга костей и понимал, что речевая корявость и чудовищный акцент, непростительные для других на столь высокой должности, спасительны для него, что сам он представляет собой воплощение национального характера северной республики...

Перепуганный Киуру собрал в обкоме срочное совещание идеологического актива, рассказал о скандале вокруг публикации в «Севере» и обвинениях, с которыми выступил А. Н. Михайлов. Он

* С 1963 по 1966 год управления по охране государственных тайн в печати (Главлит – в центре и обллит – на местах) находились в ведении Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли (Госкомиздат), что, по тогдашнему мнению, ослабило органы цензуры. С 1966 года цензурное ведомство передано под крыло Совета Министров СССР, что было, конечно, чистой формальностью, поскольку непосредственным руководством занимались главлит и партийные органы.

заявил, что редакция «подставила» областную партийную организацию и теперь ЦК потребовал разобраться и дать партийную оценку руководству журнала.

Коль скоро повесть Белова стала широко известна и по-прежнему вызывает громадный интерес в обществе, оценку решено дать также публичную. Для этого в Петрозаводске созывается большое совещание идеологических работников Карелии...

Дмитрий Яковлевич Гусаров подождал, когда кабинет опустеет, и заявил Киуру, что не согласен с подобной оценкой повести В. Белова. Михайлов, а вслед за ним и сам Киуру писательского замысла не поняли, и соизидательное существо произведения осталось для них тайной. Поэтому, сообщил Гусаров, он, как коммунист и редактор, ошибки в публикации не видит и ни в чём каяться не намерен...

Киуру помялся-помялся и предложил, чтобы на совещании выступил секретарь партийной организации журнала, заместитель главного редактора Р. Б. Корнев...

...Вопреки ожиданиям Дмитрия Яковлевича, представительное совещание идеологических работников, собравшееся в зале Финского театра, оказалось настроенным мирно и ни повесть Василия Белова, ни журнал «Север» с его главным редактором уничтожить не стало. Докладчик скорговоркой перечислил идеологические несовершенства произведения, его порочность в свете «новых свершений партии на селе», привычно потребовал от коммунистов редакции повышенной бдительности.

Р. Б. Корнев твердо и с достоинством сказал о повести то, что думала редакция, принимая решение о публикации. Он заявил, что современное общество живёт в ожидании правды о жизни села – правды, без которой невозможно строительство нового соизидательного пути...

С этим утверждением спорить не решились – именно так писала в передовицах главная газета страны «Правда».

И на этом всё вроде бы закончилось...

Только опытные чиновники заметили лёгкую тень начальственного неудовольствия на фигуре главного редактора. Впервые для Гусарова не нашлось места в президиуме...

Между тем «Привычное дело» бурно обсуждалось в обществе. В редакцию валом шли письма одобрения и поддержки. Были среди них и гневные – от тех, кому такая правда резала слух. Не меньше разного рода суждений высказывалось и в начальственной среде...

Гусаров знал об этом. Он понимал, что пар где-то должен вырваться, но где?

В конце лета 1966 года на очередном пленуме обкома партии на трибуну вышел министр культуры Л. Колмовский и вдруг, вовсе не в унисон с обсуждавшимся вопросом, резко высказался о «вредной» публикации в «Севере», перечислив известные тезисы высокого московского чиновника Михайлова.

Зал зашумел, заволновался, и Гусарову стало ясно, что именно теперь должна быть поставлена точка в затянувшейся проблеме. Он подал в президиум записку с просьбой предоставить слово. Гусаров чувствовал, что резкое выступление Колмовского взбудоражило собравшихся. Горячие разговоры о повести вспыхивали тут и там даже в коридоре во время перерыва. Вокруг главного редактора будто бы образовался вакуум – все ждали, чем эта история закончится...

Пленум вёл первый секретарь обкома И.И.Сенькин. Прошла первая половина заседания – слово Гусарову не предоставляли. В самом конце пленума он подал записку с просьбой дать слово теперь уже для справки. Дмитрий Яковлевич видел, как записка прошла по рядам и попала в руки Сенькина. Иван Ильич нашел Гусарова глазами и слегка кивнул...

Но ждал Гусаров напрасно. Пленум закончился без него. И вот уже первый секретарь завершает работу заключительным словом и ответами на вопросы из зала. После двух-трех незначительных вопросов Сенькин неожиданно перешел к выступлению Колмовского...

«...Как достойно и уравновешенно он высек его – министра культуры, за примитивное истолкование повести, за попытку обвинить автора в том, в чем ему надо воздать должное, за что нужно поблагодарить его – за правду, за достоверное изображение жизни», – вспоминал Гусаров.

...Выросший в крошечной карельской деревеньке Намоево на берегу Укшезера, агроном по образованию, Иван Ильич Сенькин был явно не из тех, кого можно было обмануть «маскировочными» приёмами с повестью. Но он их принял, закончив разгром колмовских ссылкой на два этих важнейших фактора: действие в повести происходит в 50-е годы, «а мы знаем положение в деревне в тот период», и то, что опубликована лишь первая часть; во второй «автор, конечно же, покажет...».

Дмитрий Яковлевич позже вспоминал, что и после разговора на пленуме тревога долго не покидала его. Теперь боялся не за себя, но за самого Сенькина...

Однако вскоре подоспела подмога, лучше которой и желать не следовало. Газета «Правда» опубликовала статью Феликса Кузнецова. О повести Белова в статье говорилось как о новом и значительном явлении советской литературы. А с «Правдой» спорить решались немногие. После статьи начался поток рецензий, статей, упоминаний, которые не прекращаются и поныне.

Спустя несколько десятилетий Д.Гусаров так сказал о «Привычном деле»:

«...Разве не эта повесть в журнальном варианте (книга появилась через несколько лет) одним рывком продвинула не только литературу, но и читателей к осознанию самых болевых, самых жгучих проблем деревенской жизни.

Значение «Привычного дела» в подготовке перестроечных процессов столь же велико для нашего времени, как и роль тургеневских «Записок охотника» для антикрепостнического сознания России накануне реформы 1861 года».*

ЦЕНЗУРНЫЕ ВОЙНЫ

Не надо думать, что, прояви я, как редактор, настойчивость, очерк мог быть напечатан, отнюдь нет. Он был бы снят через цензуру, ибо вологодская цензура уже звонила нашей и тов. Шарапов загадочно ухмылялся, глядя на наши жалкие потуги к сопротивлению.

Дмитрий Гусаров

Как подсчитать чудовищный по масштабам ущерб, который нанесла духовному, гражданскому развитию российского общества советская цензура в XX веке?

Русская литература, зовущая к правде, справедливости и разуму, пробиралась к читателю в синяках и шишках, донельзя изодранная и изуродованная...

Кто и когда ответит за невосполнимые потери?

И чем объяснить феномен времени, когда попыткам коммунистической власти насадить тотальный контроль над писательскими умами противостояли такие ортодоксальные коммунисты, как Дмитрий Яковлевич Гусаров?

1

В начале 1965 года редакция журнала «Север» получила увесистую бандероль из далёкого карельского поселка Суккозеро. Это был роман Константина Лаврентьева. Из сопроводительного письма узнали, что автор не молод – 40 лет, до войны окончил семилетку, а в 1958 году экстерном среднюю школу и трудился вольнонаёмным мастером в местном ИТЛ (исправительно-трудовом лагере). Прежде никакого отношения к литературе он не имел.

Роман был посвящен лагерной теме.

Произведение начинающего автора прочитали быстро и тотчас решили обсудить на ближайшем заседании редакционной коллегии и непременно, непременно печатать! К. А. Лаврентьева пригласили в Петрозаводск, он приехал, ему жали руки, поздравляли (только взял перо и сразу – роман, да еще такой сильный!) и просили ждать.

На заседании редколлегии в мае 1965 года Д.Я.Гусаров представил роман так: «Я считаю эту вещь значительной по теме и очень интересной – о путях исправления последствий культа... Это произведение углубляет тему, написано на хорошем уровне, и за него нужно бороться. Лаврентье-

* Север, 1990, №6

ев пошел дальше Солженицына в показе руководства лагеря... Эта рукопись не устареет...»

Принятый редколлегией роман К. Лаврентьева «Зрячие должны видеть» редакция запланировала к публикации в 1966 году.

Однако в 1966 году атмосфера вокруг журнала уже сильно переменялась. Серенький и неприметный прежде, теперь он вызывал к себе повышенное внимание – не всегда доброе. По властным кабинетам, по полосам газет и журналов еще носилось эхо «Привычного дела» В. И. Белова. Ведь это только редакция вместе с главным редактором и писателями считали публикацию повести вологодского писателя безусловной победой. В партийных коридорах и обллите мнение сложилось другое. «Север» расстроил и насторожил идеологические отделы партийных органов.

Писатели об этом догадывались.

14 марта 1966 года редколлегия вернулась к обсуждению романа К. Лаврентьева. Обстоятельный и интеллигентный А. Линеvский ровным голосом заявил, что роман К. Лаврентьева «Зрячие должны видеть» «...печатать нельзя по теме».

Заявление оказалось неожиданным. Д. Я. Гусаров подавил в себе вспышку раздражения, – положительное решение по роману было принято редколлекгией раньше, и Линеvский вместе со всеми возражений не имел. Но он понимал и другое – продавливать роман авторитетом не стоит. Можно расколоть единство коллегии, настроить одних писателей против других и тем самым ослабить позицию журнала в целом...

«Мы сейчас не готовы обсуждать роман Лаврентьева и решать – что делать, – сказал он. – Надо, видимо, перечитать и снова собраться для обсуждения...»

Публикация была отложена, как тогда казалось, ненадолго. В традиционном анонсе последнего номера за 1966 год, где редакция извещала о будущих главных публикациях 1967 года, значилось: «Константин Лаврентьев «Зрячие должны видеть», роман».

Но роман в «Севере» не появился и в 1967 году.

Мало того, при обсуждении редакционного портфеля на следующий, 1968 год главный редактор впервые не получил поддержки редакционной коллегии. Когда разговор дошел до романа Лаврентьева, не только у Линеvского, но и у других членов редколлегии возникли сомнения и вопросы: «...А вот как отнесутся разрешающие инстанции?» «Лаврентьев не по сезону...», роман... «не пойдёт»...

Гусаров снова заявил вполне определенно:

«Этот роман хоть и написан на трудном материале, но стоит того, чтобы его печатать...»

Отказываться от публикации романа он не желал.

Причины настроений, овладевших писателями – членами редакционного совета, были понятны. В октябре 1964 года в СССР сменилось руководство. Втайне собравшийся Президиум ЦК КПСС предложил Н. С. Хрущеву подать в отставку. Руководителем страны стал Л. И. Брежнев. Современный историк написал об этом периоде: «Все реформы, все преобразования, проводимые в этот период, лишь сглаживали наиболее явные, внешние противоречия, но каких-либо принципиальных перемен в созданной И. В. Сталиным и отчасти подправленной Н. С. Хрущевым структуре государства не происходило...»^{*}

В мае 1967 года председателем КГБ стал Ю.В.Андропов. Атмосфера в обществе ощутимо сгустилась. Робко звучавшее в интеллигентской среде требование отмены цензуры обернулось усилением Главлита. Начались гонения на так называемых «диссидентов», травля А. И. Солженицына и других литераторов, публично заявлявших несогласие с политикой государства...

Члены редколлегии вполне отдавали себе отчёт, что в подобных условиях печатать в журнале произведение, перекликающееся с «Одним днём из жизни Ивана Денисовича» гонимого Солженицына, равносильно самоубийству.

Более трех лет роман К. Лаврентьева пролежал в редакции «Севера». И не просто лежал – за него постоянно боролись. Текст правили, маскировали всё, что могло вызывать настороженность обллита, и периодически относили цензорам. Но всякий раз рукопись возвращалась обратно, испещрённая новыми пометками...

За это время роман стал повестью и четыре раза сменил название: «Зрячие должны видеть», «Дело капитана Сыча», «В местах отдаленных», «За полосой запрета»...

...Я читал оригинал в архиве. На него страшно смотреть: там нет чистого места! Страницы затёрты и захватаны от долгого хождения по столам, десятки листов машинописи буквально испещрены поправками и зачёркиваниями, а 14 часть и вовсе переписана от руки – вся, целиком.

Сам автор писал Д. Я. Гусарову письма, исполненные достоинства и горечи:

«Зрячие должны видеть» или там «Дело капитана

^{*} Коняев Н.М., Коняева М. В., Русский хронограф, т. III, с. 116.

Сыча» – не суть важно! – может быть вполне современным произведением. Сюжет не ослабнет, не утерится динамичность повествования... И в то же время это будет произведение о деле капитана Сыча. Пережитое и выстраданное им в годы бериевского произвола сможет явствовать из самой сути повествования... Правда, здесь уже не повстречаются политические заключённые, но на данном этапе они и не нужны. Редактор, осмелившийся на страницах своего журнала показать их, получит удар критической оглоблей (в буквальном смысле). И вряд ли Вам захочется этого».*

«...Просто [я] решил «завязать» это увлечение. И если до сих пор еще не прекратил заниматься творчеством – то только потому, что хотелось довести до конца начатую большую работу...»**

Повесть Константина Лаврентьева «За полосой запрета» Д. Я. Гусаров смог опубликовать только спустя четыре года – в пятом и шестом номерах за 1969 год. «Тема повести – сложный, полный драматических ситуаций труд работников исправительно-трудовых колоний, – писала редакция в анонсе. – Настойчивая борьба за каждого человека, столкновение сильных характеров отличает это первое крупное произведение автора, написанное на основании личного жизненного опыта...»

Даже изуродованная, повесть многое говорила читателю о параллельной жизни в стране – жизни, которой жили сотни тысяч сограждан за колючей проволокой лагерей...

И еще, разумеется, о власти.

С первого прочтения Д. Я. Гусаров точно подметил существенную разницу в повестях Лаврентьева и Солженицына. У первого лагерное начальство и охрана – не тупые и злобные палачи-каратели, а живые, страдающие люди, загнанные службой в тупик. Они почти такие же заключённые, только за пределами лагерного периметра.

У них своя «полоса запрета», выход за которую чреват трагедией для любого, будь он хоть начальник лагеря фронтовик капитан Сычов, у которого жена носит двенадцатого ребенка, либо старлей Тёщин, лагерный «кум» – особист...

Характерная особенность зоны 50–60-х годов, подмеченная автором, – все офицеры лагерной администрации и все заключённые – бывшие фронтовики. И отношения у них особые. Капитан Сычов нагрянул в столовую и обнаружил вместо 191 порции 230. Работники «котла и шумовки» на той же норме закладки продуктов решили накормить 39 человек дополнительно. Так сказать, раз-

вели поуже... Не устраивая громких разборок, тихо (три дня болеет ангиной, высокая температура – аж шатается) распорядился отправить всех поваров в делянку. Так же тихо объяснил товарищам: «Работяги должны получать всё, что им положено».

О собственном положении капитан рассказывает так: план не выполнишь – обвинят в панибратстве с заключёнными. Выполнишь – начинают допытываться, каким это способом удалось организовать преступников.

«В лоб больно и по лбу не легче...»

Сычов вспоминает службу во время войны: офицер задумал воспитательное мероприятие для особо капризных заключённых – привёз из ближайшего колхоза краюху хлеба, испеченного наполовину с мякиной, картофельными очистками и сушеным древесным листом. Вот, мол, что едят на воле и не возмущаются.

Офицера осудили за «осмеяние колхозной жизни».

О всплеске хулиганства в обществе начальник лагеря размышляет так: «С амнистии пятьдесят третьего это пошло, отпустили тогда среди прочих и бандитов, грабителей, насильников. От них на воле добрым людям житья не стало, пришлось снова почти всех сажать... А после пятьдесят третьего проходимцев стало модно чуть что на поруки брать. Участковых сократили – на дружинах выехать норовили – год прошёл – дружинники справляться уже не в силах, а сделать шаг назад, вернуться к участковым уполномоченным – никто не решается...»

«Представь, вооруженный грабёж без убийства подпадал под указ!»

Читателю самому предстоит догадаться, что речь идет об указе Лаврентия Берия об амнистии заключённых-уголовников, объявленной после смерти Сталина. Кто любит кино, напомним фильм «Холодное лето 53-го...» – это про тот самый бериевский указ и его последствия...

И уж совсем кошунственно звучат в устах начальника лагеря слова безнадежности и отчаяния, сказанные закоренелому преступнику: «Советское правосудие вам не страшно, оно с вашей братией гуманно обходится. Вас под самосуд надо...»

Вы только вдумайтесь, сколько отчаянного неверия в справедливость государства содержится в словах офицера-фронтовика, призванного исправлять преступников!

* Север, 2000, №5-6, с.152.

** НАРК, ф.3261, оп.1. д.1/12, л.102-103.

Он не верит закону.

У него одна надежда осталась – на самосуд...

Сильная, яркая повесть вышла к читателю, прорвав цензурные заслоны, но писателя Константина Лаврентьева литература потеряла. Из Суккозера он переехал в Петрозаводск, работал токарем на Онежском тракторном заводе. До 1970 года Лаврентьев опубликовал в журнале рассказ «Запах хлеба» и выпустил книгу с таким же названием в издательстве «Карелия». Больше никаких следов в литературе обнаружить не удалось. Видимо, как и обещал, Константин Александрович с творчеством «завязал». Цензура могла праздновать очередную победу.

2

Как мы уже отмечали, во второй половине 60-х Дмитрий Яковлевич Гусаров с коллегами выработал особую систему работы, позволявшую обезопасить литературное произведение от цензуры. Иначе говоря, «загнать в подтекст или в иносказание» то, что особенно бросается в глаза и раздражает защитников коммунистической идеи и социалистической чистоты.

Постоянно подвергаясь, по словам Гусарова, «цензурно-иезуитской вивисекции» и «сладострастному идеологическому садизму», журнал нарабатывал приёмы обходных редакторских манёвров, компромиссов по изменению авторского текста и прочих уловок и хитростей. Один из первых тому примеров – повесть В. И. Белова «Привычное дело», время действия в которой пришлось «состарить», отодвинув подальше к сталинским временам. Время действия в повести К.Лаврентьева «За полосой запрета», напротив, осовременили. Критика культа личности Сталина к тому времени оказалась неактуальна и под негласным запретом. Власть выдвинула на первый план литературы «тему современности».

Еще одна хитроумная придумка Гусарова – публикация произведения по частям. Как мы помним, она великолепно сработала на повести Белова в 1966 году. Любопытно, что именно на романе Белова она оказалась разоблачена...

Случилось это осенью 1971 года. Василий Иванович прислал из Вологды первую книгу романа «Кануны». Белов сообщил Гусарову, что рукопись уже побывала в «Новом мире», её прочёл сам Александр Трифонович, якобы объявивший на редакционной планёрке, что «с этим романом он в ЦК не пойдёт». Это означало, что Твардовский

понял, что на этот раз его авторитета может не хватить.

Действующими лицами в «Канунах» были И.Сталин, М. Калинин, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, К.Ворошилов, что автоматически ставило журнал перед необходимостью заручиться санкцией Института марксизма-ленинизма, без рецензии-отзыва которого о публикации не могло быть речи. Д. Я. Гусаров с письмом Карельского обкома и без особой надежды на успех дела направился в столицу. Накануне в разговоре с первым секретарем И. И. Сенькиным спросил, всю ли рукопись везти на рецензирование или только те главы, где действуют члены Политбюро?

«Это был почти крах, – вспоминал Гусаров. – Я понимал, что если там, наверху, начнут читать роман полностью, то света ему не увидят...»

Дмитрий Яковлевич долго искал подходы к ИМЛ, используя свои связи в ЦК КПСС. Давя в душе чувство отвращения к подобным методам, из гостиничного номера он названивал знакомым своих знакомых и добился-таки разрешения на публикацию первой части «Канунов». Большого сделать не смог. Карельская цензура запретила публикацию второй части романа – даже несмотря на то, что по просьбе редакции автор полностью снял из романа сюжетную линию И. Сталина...

На совещании в Карельском обллите цензор Ф.И. Михельсон анализировал проигрыши своего ведомства в войне с литературным журналом и, в частности, разоблачил редакционную уловку:

«Часто не знаешь, что будет печататься с продолжением. Но, как правило, по продолжениям и возникает больше всего вопросов. Порой продолжения-то и печатать совсем нельзя (выделено мной. – К. Г.). В качестве примера можно назвать вторую часть романа В. Белова «Кануны». При контроле «Севера» большая трудность состоит в том, что романы и повести в целом виде сразу никогда не читаешь, то есть не имеешь цельного представления о них».*

С подачи карельского цензурного ведомства руководство Главлита издало приказ об усилении «политической бдительности» при контроле журнала «Север». Впредь цензорам вменялось в обязанность изучать все предложенные к публикации произведения в полном объёме...

Настоящей «палочкой-выручалочкой» в подготовке острых публикаций была ссылка на преды-

* НА РК, ф.757, оп.4, д.70, л.8

дущие публикации произведения в других изданиях. Подобные ссылки расслабляли бдительность карельских цензоров, которые следовали вполне понятной логике: коль скоро публикацию прежде кто-то пропустил, следовательно, здесь, в Петрозаводске, им отвечать не за что.

Часто так и происходило – громы гремели где-то далеко.

Но перепало и «Северу»...

В конце 1969 года журнал опубликовал статью Ильи Эренбурга «Об обыкновенном и необыкновенном». Редакция сослалась на то, что в основу статьи положены выдержки из третьей части изданных мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Карельскому обллиту ссылки оказались достаточно. Старший редактор Михельсон убедился, что да, выдержки такие есть, и без заминки пропустил статью в печать.

Однако после выхода журнала в свет выяснилось, что они содержатся не только в мемуарах автора, но и в сборнике «У великой могилы», вышедшем в Москве в 1924 году. И там, и там статья Эренбурга представлена в сокращении. В то же время полный текст опубликован лишь единожды, в однодневной газете «Ленин», выпущенной в день похорон В. И. Ленина. Стало понятно – почему...

Размышляя о личности Ленина, Илья Эренбург пишет о вожде в свойственной ему публицистической-экспрессивной манере, нарочито упрощая его образ, как о равном, почти панибратски:

«И кто бы мог подумать, из ребячески-романтических баррикад, из библиотечных томов вот таких «неудобных жильцов» (по Эренбургу, «неудобным жильцом» называла Ленина консьержка-привратница. – К. Г.) будет создана огромная живая пирамида, пятая часть планеты, построенная по плану и скрепленная вязкой кровью?»

Для газетного листка, вышедшего один раз, подобный стиль еще мог сойти, но для журнала в 1969-м это выглядело кощунственно. Какой «неудобный жилец»?!! Ленин – вождь мирового пролетариата, икона, растиражированная в миллионах портретов и памятников! И какие еще «ребячески-романтические баррикады»?!! Это о Великой Октябрьской Социалистической революции, что ли!!!

Самое мягкое, что могли сказать об этой маленькой статье в центральном аппарате ведомства, когда в циркуляре от 16 февраля 1970 года оценивали промахи петрозаводских коллег, это «обеднение образа Ленина». Главлит впредь предписывал немедленно докладывать в Москву и в обком о любых замечаниях цензоров в связи с «неточным» освещением образа В. И. Ленина,

«неверной трактовкой» его учения и революционной деятельности.

...Читая всё это сейчас, удивляюсь другому. Как они без комментариев пропустили наиболее точное, что Эренбург сказал о роли В. И. Ленина в создании СССР: «...пятая часть планеты, построенная по плану и скрепленная вязкой кровью» (выделено мной. – К. Г.). Видимо, за пропущенной по недосмотру фразой цензоры угадали такой вселенский скандал, что решили не привлекать к ней внимания ни московского начальства, ни редакции.

Наряду с иными способами противодействия цензуре Дмитрий Яковлевич Гусаров активно использовал и такой, как благожелательная критическая статья или отзыв в центральной прессе, предисловие или, напротив, послесловие маститого литератора, имя которого завораживающе действовало на провинциальных цензоров. Так московский литературовед и критик Феликс Кузнецов, а за ним и популярный поэт-фронтовик из Вологды Александр Яшин фактически спасли от преследования главного редактора и первого секретаря Карельского обкома КПСС И. Сенькина после публикации повести Белова «Привычное дело».

Статья-послесловие А. Мантере помогла опубликовать в №1 и 2 за 1970 год художественно-публицистическое повествование Пааво Ринтала «Ленинградская симфония судьбы». Это пронзительное и трогательное произведение в переводе Т. Викстрем было к тому времени лучшим, что зарубежные писатели создали о блокаде Ленинграда.

3

Публикация в «Севере» повести П. Ринтала вызвала оглушительный, всесоюзный скандал. Для Карельского обкома партии и обллита скандал оказался очень некстати. Они только что завершили цикл проработки и серьезного наставления на путь истинный главного редактора и всей редакции. И тут – на тебе...

О повести П. Ринтала мы поговорим чуть позже.

К началу 1970 года в адрес Гусарова и журнала у цензурного ведомства накопилось большое количество серьезных претензий. Фактически между редакцией и обллитом шла непрекращающаяся война, победы в которой бывали на той и на другой стороне.

Побед и поражений было множество. В феврале 1967 года цензура перехватила на пути к пе-

чатному станку повесть В. Фролова о лётчиках ПВО «Один должен уйти». Автор позволил себе показать советского лётчика аполитичным и морально неустойчивым, а командующего «нераспорядительным».

Повесть отправили в корзину для бумаг.

Во втором номере 1967 года журнал напечатал небольшую – две неполных странички – статью А. Гидони об одном из наиболее ярких литераторов на рубеже XIX–XX веков, «короле поэтов» Игоре Северяnine. Цензорам указали на упущение в работе, а Д. Я. Гусаров получил выволочку за «восхваление» его поэзии. Сама публикация признана нецелесообразной. При этом нецелесообразность почему-то мотивировалась «политическими причинами»...

Через год – новая победа журнала, публикация повести Даниила Гранина «Наш комбат» (1968, №4), вызвавшая в обллите возмущение, поскольку «образы большинства участников Великой Отечественной войны показаны с отрицательной стороны».

...Спустя многие годы многолетний заместитель и помощник Гусарова по журналу Олег Тихонов так писал об этом произведении:

«Наряду с «Тишиной» Ю. Бондарева и «Мертвым не больно» В. Быкова эта небольшая повесть... ввела в нашу военную литературу такие понятия, как совесть и покаяние. Эта свежая духовная струя стала ведущей и определяющей в последующей литературе о Великой Отечественной войне...»*

К слову, Даниил Гранин не смог опубликовать повесть нигде, кроме «Севера». Последовательно её отклонили в «Новом мире», «Знамени», «Октябре» и других центральных журналах. А когда разразился скандал и главного редактора стали упрекать, что он, мол, берет на себя слишком много, публикуя произведения, отклоненные московской цензурой, Дмитрий Яковлевич только пожимал плечами. Откуда, мол, мне в Петрозаводске знать, что и где вы отклоняете...

Список прегрешений сопровождался скандалами, разборками, письменными объяснениями, угрозами и только рис: статья И. Эренбурга, рассказы писателей-эмигрантов А. Хозина и С. Черного, комедия Р. Корнева, повесть А. Коробова...

Снова и снова главный редактор журнала «Север», тяжело опираясь на трость, отправляется привычным маршрутом к секретарю или в отдел пропаганды и агитации обкома партии на очередную проработку.

Восьмого января 1970 года за журнал взялись всерьёз.

Состоялось заседание бюро Карельского обкома

партии, на котором обсуждалась работа редакции за последние годы. Разговор состоялся жесткий, попало всем – главному редактору, партийной организации, Союзу писателей Карелии и цензорам.

Как следует работать журналу и писателям по пунктам указали в отдельном постановлении бюро обкома. Цели перед журналом поставлены ясные: «активно и умело пропагандировать коммунистические идеалы», «стимулировать создание произведений, отображающих жизнь рабочего класса», «показывать руководящую роль коммунистической партии»...

На критику Карельского обкома своевременно отреагировала и цензура. 6 февраля 1970 года Главлит принял особый циркуляр о ситуации с «Севером», на страницах которого «в течение ряда лет» помещались материалы, публикация которых «по политическим мотивам» нецелесообразна... За недостаточную ретивость, либерализм и ослабление бдительности редакторам Карельского обллита московское начальство также «выписало по первое число».

...И надо же такому случиться!

Не прошло месяца, как отгремели речи о повышении идеологической требовательности в журнале и Союзе писателей, а вокруг «Севера» разразился новый скандал...

5 марта карельским цензорам позвонил старший редактор 3-го управления Главлита из Москвы А. Акимов и потребовал объяснений, как в журнале могло появиться произведение, в котором предпринята попытка «реабилитировать сторонника и исполнителя милитаристских устремлений фашистов Маннергейма»? В особняке на улице Титова в Петрозаводске поднялась легкая паника: как, откуда, почему, кто читал, кто подписывал разрешение в печать?!

На следующий день из Москвы пришло официальное предписание задержать второй номер журнала с продолжением повести Ринтала, доложить о случившемся в обком и дать письменные объяснения...

Это была катастрофа...

Начальник карельского обллита А. В. Черкасов, старший цензор Ф. И. Михельсон сбились с ног.

* Север, 2000, №5-6, с.134.

4

А случилось долгожданное для журнала и радостное событие – вышла первая часть повести П. Ринтала «Ленинградская симфония судьбы».

Эту публикацию ждали, её торопили. О. Н. Тионов, в ноябре 1969 года сменивший на посту заместителя главного редактора Ростислава Борисовича Корнева, приглашенного на работу в ленинградское издательство «Аврора», активно рекламировал повесть Ринтала. В анонсах для московского и ленинградского филиалов Союза печати он писал о «симфонии...», цитируя автора: «Через эту книгу голос ленинградцев будет услышан в Швеции, Германии, Франции, Англии и во многих других странах...»

На это и надеялись в «Севере», специально заказывая перевод. Так о ленинградской блокаде еще никто не писал.

В принятой в советское время терминологии Пааво Ринтала считался прогрессивным писателем. Он с большой симпатией относился к СССР, имел среди интеллигенции множество друзей и с нескрываемой неприязнью писал о любом проявлении милитаризма, особенно в родной Финляндии. «Север» не раз писал о его творчестве. В первом номере за 1966 год о новом романе П. Ринтала «Слуги в седле» написал карельский исследователь финской и скандинавской литературы Эйно Карху.

Предыдущий роман П. Ринтала «Лейтенант разведки» (1963) вызвал бурю негодования в военной среде Финляндии. 40 генералов выступили с протестом, требуя запретить книгу. Формально они выступали против того, что Ринтала показал распутство сотрудниц женских вспомогательных подразделений финской армии – «лотт».

Однако не только сам писатель, но и многие трезво думающие литераторы поняли, что существо дела заключается вовсе не в отдельном романе и не в лоттах. Военщина предприняла попытку установить контроль над литературой «разбуженной совести», протестующей против милитаристских идеалов, отравлявших сознание финнов на протяжении десятилетий.

Этой теме и была посвящена «Ленинградская симфония судьбы».

Пааво Ринтала написал о «Коричневом Дудочнике» – Гитлере, который очаровал своей игрой целый народ Германии, а затем и финнов. «Интеллигенция и чиновники Финляндии были так зачарованы звуками той флейты, что тоже поже-

дали отправиться вместе с военными полчищами далеко, до самого Урала...»

Писатель предупреждал (предупреждение актуально и сегодня), что «флейта Коричневого Дудочника хоть и слабо, но всё еще звучит в Финляндии...»

Для П. Ринтала блокадный Ленинград – не объект для военной атаки. Для него стратегические планы захватчиков абсурдны. Это прекрасный город, населённый интеллигентными и тонкими людьми, а теперь только стариками, женщинами, подростками и детьми. Голодные, оборванные, шатающиеся от голода и болезней, они, как мотыльки, пытаются спасти свой дом и друг друга от мрачных и равнодушных вражеских полчищ, собранных в кольцо вокруг города.

Писатель встречается с ленинградцами, пережившими блокаду, приводит в повести их бесхитростные дневники и свидетельства о запредельно чудовищных 900 днях. Он сообщает, что думали о жителях Ленинграда «спасители европейской культуры и цивилизации» – немцы и финны, сидящие в окопах, опутавших обречённый город словно паутиной.

Предельный эмоциональный накал повести придаёт композиция, основанная на диалогах автора с собственными детьми Лаурой-Жозефиной и Анналиной.

Писатель пытается объяснить детям, почему нужно было нападать на Ленинград, стрелять из пушек, убивая таких же детей, как они, почему сам писатель, в ту пору живя подростком в Оулу, радовался военным победам и желал падения Ленинграда.

«Да, почему, уважаемый писатель? Попробуй объяснить это своему ребёнку...»

Объяснить это невозможно никакими словами.

«Дети и впрямь очень опасны: ежели они испытали, пережили какое-то зло, то они не прощают это обидчику, не забывают этого никогда. И тут не помогут никакие объяснения... Запомните это, уважаемые (и занимающие ныне весьма хорошее общественное положение) организаторы ленинградской блокады в Финляндии, Западной Германии, Дании («Свободная Дания»), Голландии, Франции и Испании, да – еще и Норвегии. Я обращаюсь к вам, тогдашние сынки норвежских папаш и мамаш, добровольцы Норвегии, нынешние почтенные руководители, господа свободные викинги:

не рассказывайте своим детям правды, они вам её никогда не простят;

обманывайте даже своих внуков, если вы хоти-

те быть в их глазах уважаемыми и досточтимыми гражданами.

Ибо, если вы расскажете им, как всё было на самом деле, они позабудут вас и будут помнить только жертвы...»

5

Перехватить второй номер с завершением повести П. Ринтала карельской цензуре не удалось. Половина тиража уже оказалась в почтовых ящиках подписчиков, а задержать вторую половину означало вызвать скандал у многих сотен граждан...

9 марта сотрудников обллита собрали на внеочередное производственное совещание. Начались разборки, чтение журнальных страниц с увеличительным стеклом и покаяния виноватых...

Между тем пассажи в повествовании, вызвавшие негодование в Москве, и искать не нужно было – на них прямо указывалось в статье А. Мантере, опубликованной сразу же в завершение повести П. Ринтала во втором номере журнала за 1970 год. Мало того, вопреки принятым правилам вёрстки, статья начиналась на той же странице, на которой завершалась повесть.

Объясняя своим детям участие финнов в блокаде Ленинграда, писатель говорит:

«Да, финские солдаты тоже помогли немцам в том, чтобы ленинградцы умирали с голода. Но уже с осени финнам расхотелось наступать на Ленинград. Многие, конечно, хотели бы, но командующий финской армией – и в тех условиях по существу глава всей Финляндии Маннергейм уже не хотел наступать осенью. За лето Маннергейм образумился...»

«К счастью, Маннергейм протрезвел и остановился в Белоострове, в тридцати километрах от Ленинграда. А ведь немецкие генералы приезжали к нему в Миккели вручать железные кресты всех степеней и уговаривали его продолжать наступление».

«Финские солдаты тоже ничего не знали. Они стояли на Карельском перешейке и на Свири и вовсе не думали, что этим самым убивают ленинградских детей и матерей. Им даже мысль такая в голову не приходила...»

Сам журнал устами А. Мантере назвал эти высказывания П. Ринтала попыткой «реабилитировать сторонника и исполнителя милитаристских устремлений». На самом деле ни о какой реабилитации и речи не могло быть – для этого стоило хотя бы бегло прочитать повесть...

Как нетрудно догадаться, публикация критической статьи вовсе не имела целью указать цензорам уязвимые места в повествовании финского писателя. Её задача состояла в единственном – провести очень важное и нужное произведение к советскому читателю.

Уловка Гусарова сработала в очередной раз. Однако не так, как задумывалось. По военной терминологии, А. Мантере послужил для карельских цензоров дымовой завесой, а для московских – наводчиком...

Производственное совещание 9 марта в Карельском обллите завершилось на тревожной ноте. Люди многоопытные, охранители государственных тайн понимали, что неприятности на этом не закончатся. Следующее совещание, посвященное публикации неблагонадёжного финна в петрозаводском журнале, назначили на 24 марта.

Однако времени на передышку не оказалось. Через несколько дней из Москвы в Петрозаводск нагрянула целая бригада Главлита для внеочередной проверки деятельности местной цензуры. Нужно ли говорить, насколько неприятны бывают такие внезапные проверки центрального ведомства. И как не любят у нас инициаторов таких проверок.

Местную цензуру трясло до весны 1970 года.

8 апреля бюро Карельского обкома КПСС вернулось к обсуждению дел в журнале. Только вопрос теперь стоял прямо: «О допущенной ошибке во втором номере журнала «Север». На совещании обллита в мае его начальник А. В. Черкасов учил сотрудников обращать внимание не только на «отдельные места» художественного произведения, но и «на сюжетную линию в целом».

Скандал с публикацией в «Севере» документального повествования Пааво Ринтала получил всесоюзную огласку и привёл к серьёзным контрмерам. Секретариат ЦК КПСС принял постановление о повышении ответственности руководителей органов печати. Теперь в случае идеологических просчётов фигура главного редактора становилась главной мишенью.

Журнал «Север» поставили на особые условия цензурирования. Это означало, что все тексты номера, от первой и до последней строки, предварительно прочитывались цензорами в Петрозаводске и в Москве. Сложные тексты относили в обком партии. Без разрешения Главлита местное управление не могло дать разрешение на публикацию.

Такой сомнительной чести не удостоивался ни один литературный журнал Советского Союза...

За последующие десять лет «Север» до десяти раз «заслушивался» в Карельском обкоме и был подвергнут трём проверкам Главлита. Петрозаводскому журналу были посвящены два специальных распоряжения главного цензурного ведомства страны.

6

Знаю, что у читателя давно просится с языка вопрос, каким чудесным образом Дмитрий Яковлевич Гусаров смог удержаться в кресле главного редактора? Это в советское-то время, когда одного заседания бюро было достаточно, чтобы лишиться постов руководителей целого района. Ответ у меня только один – дело в особом отношении к писателю первого секретаря Карельского обкома и члена Центрального комитета КПСС Ивана Ильича Сенькина.

Как мы помним, Сенькин «прикрыл» Гусарова в случае с публикацией «Привычного дела» Василия Белова. Сенькин же не дал разгореться пожару в случае с Пааво Ринтала...

В той обстановке и в той стране от единственного слова первого секретаря зависело всё. И что же сказал Сенькин, когда скандал вокруг главного редактора достиг апогея?

«Действительно, – ровным голосом согласился Иван Ильич с бурными филиппиками функционеров от идеологии и цензуры. – Нам нет никакой необходимости рекламировать указанное произведение...»

И надолго замолчал, давая понять, что станцию под названием «Ленинградская симфония судьбы» Карельский обком партии давно проехал.

Главлит разяснил, что произведения, которые обсуждались в обкоме партии, нельзя не только хвалить. Их категорически запрещается даже упоминать...

Местные цензоры в очередной раз получили взыскания и покаялись, а вопрос, что делать с Тихоновым, его начальником Гусаровым и финским писателем Ринтала, должен был решить первый секретарь Карельского обкома.

Сам Дмитрий Яковлевич лучше других сознавал, что значила для его редакторской судьбы личность Сенькина, с которым он проработал 25 лет. Не случайно написал о нём большой очерк и чувств не скрывал:

«Жила же в душе моей постоянная и многократно подтвержденная убежденность, что любой слож-

ный или запутанный вопрос можно решить, если пойти к Ивану Ильичу и спокойно, не торопясь поговорить с ним... Не это ли чувство – пойду, поговорю и решу! – придавало мне смелость, самостоятельность и внутреннюю уверенность во всех моих редакторских делах и начинаниях».*

Чувство, о котором писал Дмитрий Яковлевич, – рождается только как результат общественного явления, которое в среде современной интеллигенции называют «диалогом с властью». Часто он невозможен по причине банального несоответствия масштабов личностей. Исполненная драматизма история журнала «Север» подтверждает благотворность такого диалога. Духовный союз равных, дальновидных и прогрессивно мыслящих личностей – писателя и государственного деятеля – оказался чрезвычайно продуктивен для общества и литературы. Причём – и на это следует обратить особое внимание! – оба они были изначально поставлены в условия жесткой конфронтации...

* Как и в случае с повестью В. Белова, апогей наступил не сразу. Спустя три года после выхода в свет повествования П. Ринтала заместитель главного редактора О. Н. Тихонов в интервью молодежной газете вспомнил «Ленинградскую симфонию судьбы» в ряду наиболее значимых публикаций журнала «Север». Москва отреагировала жестко, зачислив интервью в ряд «идейно-политических ошибок». Оценка привела в недоумение даже Карельский обллит. Повесть Ринтала к тому времени вышла в Эстонии отдельной книгой, неоднократно была отмечена рецензентами в центральной печати...

** Дмитрий Гусаров. Из архива писателя. Север, 1996, №2, с. 78.

«ЗАБАВА ДЕТСКАЯ»

Виноват я не в том, что со всей серьезностью делаю малое и пустяковое дело, а в том, что мало работаю над настоящим, большим, что задумано и не исполнено.

Будь по-иному, меньше брался бы за пустяки.

А коль взялся – надо делать на полную катушку.

Дмитрий Гусаров

В конце зимы 1976 года Дмитрий Яковлевич еще не знал, что роман-хроника «За чертой милосердия», начавшая победное шествие по стране, и не только (многомиллионные тиражи «Роман-газеты», многократные выпуски в московских и местных издательствах, в Финляндии, Венгрии, Чехии...), станет его звездным часом*.

Гусаров строит новые творческие планы. Он убежден, что главная книга еще впереди...

1

Главной книгой своей жизни он видел в ту пору роман о женщине-современнице, богатой душой, умом и чувствами, прекрасной и непростой по характеру. «Писать её я буду с близкого расстояния от оригинала. Так никогда еще не пробовавал...»

С кого собирался писать роман Дмитрий Яковлевич, догадаться нетрудно.

Однако сесть за работу не позволяют обстоятельства. Издательство попросило подготовить к переизданию роман «Боевой призыв», и Гусаров страдает над ним, не имея возможности переписать старую книгу от строчки до строчки. «По теперешнему моему пониманию и умению я мог бы дать этой книге новую и, может быть, значительную жизнь...»

Мешает и старая проблема...

«Как ни странно, но я снова должен поверить в себя. Это бывает со мной каждый раз с каждой новой вещью...»

Чтобы вернуть творческую уверенность, он решил написать две маленькие «почти биографические» повести-были – «Гармонь» и «Айра». Первую начал еще летом 1973 года, в период творческого простоя в работе над романом-хроникой. Повесть эта, названная позже «Партизанской гармонью», была закончена лишь в 1982 году и заняла четыре года напряженной работы. Гусаров так выложился на этой «милой и бесхитростной ве-

щи», что ко второй повести, которую задумал в качестве трамплина для будущего романа, не приступил. Сил не хватило...

«Айра» – так называли корову у близкой и любимой родственницы Дмитрия Яковлевича, тети Фроси. Он хотел написать о том дорогом для него времени, когда они с братом выросли и «становились такими, какими стали».

Планы пришлось пересматривать.

2

В конце 70-х – начале 80-х годов на Гусарова навалились болезни и хроническая усталость. Просто удивительно, как они не настигли его раньше...

В 1976 году Дмитрий Яковлевич попал в больницу, перенес две тяжелейших операции. Он почти девять месяцев провалялся попеременно то на больничной, то на домашней койке. К тому времени счет хирургическим операциям на его теле достиг четырех, а шрамов на обеих ногах, спине и животе насчитывалось уже сорок четыре. Это давало повод грустно шутить в письмах к партизанам:

«...Сам иногда удивляюсь тому, что живу, хожу и даже продолжаю работать...»

Но, как и прежде, в писательстве он выбирал путь максимально трудозатратный и третий десяток лет подряд тянул и тянул журнальный воз...

Да и вряд ли мог он жить и работать по-другому, хотя с упадком сил искушения подступали. Он был профессионалом и хорошо понимал, что можно, наверное, и пощадить себя. Он знал – как, и с грустным сарказмом писал об этом друзьям:

«...Недостающее можно слегка подвыдумать,

* О популярности романа-хроники Д. Я. Гусарова можно судить и по следующему факту. В 1987 году в серии «Библиотека советского романа» издательство «Советский писатель» выпустило том самых читаемых и обсуждаемых произведений десятилетия. В книгу вошли: роман Д. Гусарова «За чертой милосердия», повести В. Распутина «Живи и помни» и В. Быкова «Знак беды». Повесть В. Распутина была удостоена Государственной премии СССР, повесть В. Быкова получила Ленинскую премию. Но открывал том роман Д. Гусарова...

Приказом Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли весь 100-тысячный тираж книги, у которой даже не было общего названия, предназначался для поощрения книголюбов и в свободную продажу почти не поступил.

выдержав их в стиле и духе времени. Убавится документальности, зато прибавится занимательности. Кто разберется, кто осудит? Ведь у автора есть извечное право на домысел, на свою версию в трактовке даже более значительных... событий».

Но Дмитрий Яковлевич никогда не переходил черту, которую считал роковой не только для писателя, но и для отечественной литературы. «Далеко ли мы продвинемся в постижении правды о минувшей войне, – размышлял он, – если на смену уже бытующим в народе легендам литература под видом документальности станет подставлять новые, пусть и оснащенные штрихами правдоподобия?»

Эх, Дмитрий Яковлевич! Вряд ли вы узнали бы свою войну, хоть день просидев у телевизора сегодня или прочитав пару современных военных детективов...

Справедливости ради, следует сказать тут, что мифотворчество о войне в литературе укоренилось давно, и писатель Гусаров, как мог, пытался противостоять ему. Он считал, что в основе явления лежит героизация без учёта реальной правды о войне, реальных фактов и обстоятельств.

Истоки этой болезни в излишнем самомнении, в убеждении, что авторский вымысел выше любой правды, в нежелании потрудиться, узнать, изучить – то есть от элементарной лени и еще от безнаказанности за деформацию правды в произведении литературы.

Мифотворчество о войне – небезопасная вещь, предупреждает Гусаров и нас сегодня. Дмитрий Яковлевич приводит в пример молодого финского писателя П. Тикканена, с которым был знаком по беседам и читательским встречам в Финляндии, автора многих книг о партизанской войне в Карелии. Для Тикканена лесная война – поле для приключений, подвигов и нагнетания страстей, из которых вырастает дух реваншизма и безусловного превосходства финских солдат над русскими солдатами.

Кроме Тикканена, в соседней стране появилась плеяда других писателей, развивающих в своем творчестве тему финского превосходства, ищущих оправданий поражению своей страны в двух минувших войнах XX века и в той или иной форме вызывающих к реваншизму...

Пааво Ринтала не зря напоминал о завораживающих звуках флейты Коричневого Дудочника...

Но ведь и в нашей литературе такие книги отнюдь не редки. Вышедшие из-под пера талантливых авторов, они вызывают громадный интерес,

зачастую экранизируются, их герои победно шагают по телевизионным экранам...

Разве не таков старшина Васков из повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...»? Немолодой, списанный с передовой в глубокий тыл солдат в одиночку справился с отрядом специально подготовленных немцев-диверсантов.

«...Но как, – задаётся вопросом писатель-фронтовик Гусаров, – какими запорами преградить путь в литературу яркой, блистающей и легко подкупающей наивного читателя неправде, идущей через огрехи, мелочи, небрежение и неуважение к тому, что было?»

Сделать это чрезвычайно трудно еще и потому, что авторские грехи прикрываются благородными идеями, под которые подводятся патриотизм, стремление «воспеть» и «прославить» подвиг. Не меньшую поддержку оказывают подобным мифотворцам и участники той литературной группировки, которую они в данный момент представляют.

В этой связи характерна попытка Д. Гусарова сказать своё слово на подобную тему в авторитетном журнале «Вопросы литературы»...

3

В самом начале 1979 года редакция обратилась к Дмитрию Яковлевичу с просьбой поддержать небольшой статьёй журнальную рубрику «Из писательского блокнота». Он послал выстраданные размышления о растущем небрежении авторов к исторической правде в современной литературе о войне.

Д. Я. Гусарову, прочитывающему в журнале сотни рукописей рассказов, повестей и романов, как никому другому было ясно, насколько прочно укоренилась эта болезнь. В качестве примера он привёл повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...», написанную весьма талантливым пером и вызвавшую громадный интерес.

Д. Гусаров не называл в статье автора и не дал название повести. Он лишь указал на огрехи, на его взгляд, происходящие от «неуважения к фактам и мелочам истории» и выводящие произведение из разряда серьезной литературы о войне в разряд «сказок»...

Ну да, прежде всего не с немцами воевали мы на территории Карелии в Великой Отечественной войне, а с финнами. «Наивной и пустой затеей» назвал Дмитрий Гусаров участившиеся попытки политиков от литературы укрепить дружбу с Финляндией с помощью замалчивания либо такого

вот мифотворчества. Сами финны пишут о прошедшей войне всё больше и больше. При этом меньше всего думают, как к их книгам относятся в соседней России...

Гусаров отметил боевую лихость старшины Васкова, не объяснимую ничем и не свойственную ни его военной подготовке, ни положению командира тыловой зенитной батареи.

Еще один авторский «ляп» указал Гусаров в своей статье – причину, по которой автор повести «привёл» под начало старшины подразделение девушек. Причина эта, если помните, в самогоне, который бойцы-мужчины гнали даже из «комариного писка».

Не было никакого самогона в Карелии, заявляет Гусаров. Самогон и способ его приготовления завезли в северную республику только в 50–60-х годах завербованные на лесозаготовки крестьяне из Белоруссии, Украины и центральных районов России...

Статью Д. Гусарова «Уважение к мелочам и познавательная функция литературы» в журнале получили, о чём с радостью сообщили автору, попросив точно назвать автора и повесть, которую он приводит в качестве примера.

Гусаров назвал...

Потом из «Вопросов литературы» позвонили снова. И снова хвалили за теоретическую часть статьи, попросив добавить еще два-три писательских имени, чтобы не «создавалось впечатление», что статья направлена против «одного лишь Б. Васильева».

Дмитрий Яковлевич заявил, что не имел намерения критиковать ни Б. Васильева, ни В. Бокова, который в своей поэме «Свирь», посвященной карельским девушкам-подпольщицам М. Мелентьевой и А. Лисицыной, наградил несусветного, ни других писателей. Он хотел одного – указать на явление, по его мнению, резко снижающее качество литературы о войне и напрямую бьющее по её престижу.

Гусаров потребовал вернуть статью к первоначальному (безымянному) виду и так печатать либо возвратит. «Занятный кульбит» журнала он объяснил тем, что его статья была расценена в Москве как посягательство на престиж части литературы, «знаменем которой стал Б. Васильев».

4

Совмещать, как прежде, писательство и редакторскую работу Дмитрию Яковлевичу Гусарову становится почти невозможно...

«Живешь в состоянии какого-то внутреннего ожесточения, нервы напряжены постоянно и то и дело подводят. А потом – усталость, обычная физическая усталость, когда к 4–5 вечера уже хочется повалиться на бок и уснуть...»

В 1975 году А. В. Черкасова на посту начальника Карельского обллита сменил В. П. Шарапов. Аккуратный, умный, исполнительный и предельно жесткий комсомольско-партийный функционер, Виктор Петрович пришел в цензуру вовсе не для того, чтобы налаживать взаимопонимание с «Севером». Его целью было наведение порядка – так, как это понимали «надзорные контролирующие органы», изучающие теперь каждую строку с особым пристрастием.

«Журнал «Север», вокруг которого группируются многие известные советские писатели-«деревенщики», – заявил свое кредо новый руководитель, – публикует немало слабых и даже ущербных в идеологическом отношении материалов. Нам постоянно надо быть готовыми к появлению таких материалов...»

Ситуация в «Севере» резко усугубилась.

Необходимо отметить, что в эти трудные для литературы времена петрозаводский журнал не был одинок. Цензурные войны, связанные с различными взглядами на предназначение писателя и литературы, переживали и другие издания. Не мог избежать этого и главный журнал страны, возглавлял который поэт с именем по-настоящему легендарным...

В кампанию «закручивания гаек» в Москве против главного редактора «Нового мира» А.Т.Твардовского власти подключили угодливых единомышленников. И этот ход оказался решающим. Началась газетно-журнальная кампания, легальным термином в которой стало выражение «твардовская ересь». Накал достиг такой степени, что писатель А.Первенцев заявил: «Прежде чем вводить танки в Чехословакию, надо было ввести их в редакцию «Нового мира»...» В партийной прессе возникло «письмо одиннадцати литераторов» и поток статей, шельмующих постоянных авторов журнала и самого Александра Трифоновича...

Если «Северу» во главе с Д. Я. Гусаровым приходилось бороться только против цензуры*, то против «Нового мира» Твардовского выставили Союз писателей и целую группу недовольных коллег по писательскому цеху. А вечно недовольных вокруг любого журнала можно набрать не одну дюжину...

Началось насильственное внедрение в редколлегию литераторов со взглядами, мягко говоря, не близкими главному редактору. Беспрецедентным решением, против воли главного редактора, Союз писателей освободил от должности многих сотрудников редакции и назначил новых, работать с которыми он заведомо не согласился бы.

В знак протеста 24 февраля 1970 года А.Т.Твардовский вышел в отставку с поста главного редактора. После этого он прожил менее двух лет, и 18 декабря 1971 года умер на даче под Москвой.

У меня нет желания насильственно свести два таких разных по масштабу издания. Однако не я первым провожу эту аналогию. О «тихой полемике» журналов с лёгкой шуткой писала критика: «Север» – столица русской литературы. «Новый мир» – провинция литературы мировой...»

В основе подобных выводов лежит «гордая попытка сохранить «окраинную истинность» у первого и полнейшее заселение столичной жилплощади провинциальными авторами у второго...»**

Существовали и глубинные причины...

Во второй половине XX века в советской литературе появилась группа талантливых русских национальных писателей, не желающих скрывать своей русскости под маской губительного для национальной культуры интернационализма. «Север» активно искал и выводил в большую литературу представителей этого направления. На его страницах публиковали первые рассказы и повести малоизвестные в ту пору В.Шукшин, В.Белов, Д. Балашов, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Личутин, В. Маслов, Н. Рубцов, А. Романов, В.Бондаренко и другие литераторы – авторы, по мнению цензора Шарапова, «слабых и даже ущербных в идеологическом отношении» произведений.

После отставки А.Т. Твардовского большая группа «деревенщиков» перешла в «Наш современник», который «воскресал из мертвых благодаря усилиям русских писателей, понимавших, что после разгрома «Нового мира» стремительно набирающим силу российским писателям, в первую голову периферийным, надо было где-то печататься, знакомиться и духовно объединяться» (В. Астафьев).

Критик пишет, что движение «деревенщиков» привело к созданию в российской литературе так называемой «русской партии»:

«Из региональных литературных журналов «деревенщиков», изображавших жизнь крестьян, как правило, на Севере России и в Сибири, чаще всего публиковал журнал «Север», издававшийся в Петрозаводске. Его главный редактор, Дмитрий Яковлевич Гусаров, и некоторые члены редколлегии были убежденными русскими националистами...

Между провинциальными журналами русских националистов и центральным изданием русской националистической группировки в СП, которым после 1970 г. стал «Наш современник», поддерживались постоянные контакты...» (Н. Митрохин).

«...более русского журнала в нашей стране я не знаю, – писал в редакцию читатель из Омска Н.Березовский. – Русского без национализма с шовинизмом вкуче, русского без псевдопатриотизма, русского – страдающего за Россию и вместе с её многонациональным народом, русского – как Пушкин, который «наше всё»...»***

Твердое и неуклонное отстаивание принципов великой русской литературы, трепетное, бережное отношение к основам народной культуры, к отечественной традиции и нравственности – «русскому национальному ладу» – вот что ставили во главу редакционной политики Д. Я. Гусаров и его коллеги по редакции. При этом они понимали, что аплодисментов от власти и либеральной критики не дождутся...

Аплодисментов не было.

В 1990 году, когда группа демократов-интернационалистов создала внутри Союза писателей

* В кампанию за идеологическую чистоту «Севера» ввязался даже бесцветный секретарь по идеологии Карельского обкома КПСС Киуру. Так и не научившийся правильно говорить по-русски финн учил, как русский журнал должен писать о русских и для русских. Именно по распоряжению Михаила Христофоровича из верстки седьмого номера за 1979 год сняли сказку в стихах Василия Белова «Бессмертный Кашей». Это при том, что вологодская цензура не препятствовала публикации, о чем сообщала в Москву, а Белов лично писал Киуру письма, подписываясь членом Вологодского обкома КПСС. «Всё это напоминает мне историю с «Канунами», которые сейчас изданы тиражом 1/4 миллиона, в том числе вторая часть», – писал В. И. Белов Гусарову 5 октября 1979 года.

** О. Тихонов, Неюбилейные раздумья: Север, 2000, №5-6, с. 132.

*** Н. Березовский. Живёт «Север» – жива и Россия. Север, 2000, №5-6, с. 200.

группу «Апрель» и начала агрессивный и хорошо спланированный раскол, именно направление журнала «Север» послужило для некоторых в Карелии весомым аргументом. На X съезде Союза писателей Карелии (12-13 апреля 1990 г.) некий ученый филолог Р. с русофобских позиций подверг резкой критике Д. Я. Гусарова и его коллег. Русское, корневое, крестьянское направление оказалось противно его душе. Он заявил о своем неприятии статей о выдающихся русских литераторах и философах И. Рогощенкова (братьях Киреевских, Н.Федорове и многих других), В. Бондаренко, публицистики И. Чухина. Не понравились ему исторические романы Д.Балашова. «Я лично отношусь отрицательно к мирозерцанию Балашова», – заявил он в своей речи. А как еще мог относиться к певцу крестьянской Руси специалист по Горькому, известному ненавистнику русского крестьянства?

О том, что «Апрель» – движение «леворадикальное, интернациональное по духу», заявляли на съезде и другие рвущиеся к власти. Радикалы-интернационалисты заморочили головы демагогической болтовнёй, растащили Союз писателей и были таковы. Именно с интернационалистского и денационального словоблудия интеллигенции начинался XX век, разваливший Россию и утопивший ее в крови. Этим же век завершился, похоронив великий СССР. Где сейчас идеи «апрелевцев», когда Россия мучительно ищет свой путь развития, всё отчетливее осознавая, что без восстановления коренной нации русских ей никогда не подняться?

5

Работа Дмитрия Яковлевича Гусарова в журнале во второй половине 70-х годов и начале 80-х мало чем отличалась от предыдущего десятилетия. Всё так же она состояла в «боях местного значения», победы в которых бывали нечасто. Цензура искверкала роман Ивана Торопова из Коми «Вам жить дальше», роман Виталия Маслоva из Мурманска «Круговая порука», роман Леонида Зорина из Москвы «Старая рукопись», Анатолия Соболева из Калининграда «Награде не подлежит», статью В.Г.Базанова, подборку рассказов Фёдора Абрамова «Трава-мурава» и множество других произведений.

Была запрещена и снята из вёрстки очередного журнального номера публикация «Из дневника. 1947–1953. К истории создания романа «Осуда-

рева дорога» М. Пришвина. Цензорам показалось, что большой русский писатель утверждает, что «несведущие люди и бюрократы не позволяли якобы писателю создавать это произведение так, как он хотел...». Разумеется, М. М. Пришвин был не прав. Цензоры карельского обллита, вслед за автором популярной в то время песни, «второй такой страны не знали, где так вольно дышит человек». Цензура запретила очерк Александра Сушинова «Как накормить бурёнку?», который посмел назвать «бредовой» идею ликвидации неперспективных деревень...

И так далее, и тому подобное...

С приходом в руководство Карельского обллита В. П. Шарапова ведомство, а с ним и Карельский обком партии всё чаще призывают на свою сторону деятелей из аппарата Союза писателей СССР. Видимо, успешный опыт «обуздания» «Нового мира» и самого А. Т. Твардовского в Москве было решено распространить на провинцию. К этому подтолкнул сам журнал, к тому времени окончательно загнанный в угол и сознательно решившийся на обострение ситуации.

Осенью 1979 года редакция спровоцировала самый громкий скандал за последние годы. От безысходности и отчаяния редакция использовала один из «запрещенных» методов ведения войны с цензурой, то есть попросту соврала...

Была ли на то санкция главного редактора и его заместителя О. Н. Тихонова, по счастливой «случайности» в эти недели не оказавшихся на работе, со всей определенностью утверждать не берусь. Видимо, была. Без согласования с Д. Я. Гусаровым такого рода публикация была попросту невозможна.

В десятом номере за 1979 год «Север» опубликовал первую часть переписки А. Т. Твардовского и В.В. Овечкина «В середине века». Публикация, разрешенная местной цензурой, вызвала негодование у цензоров московских. Главлит потребовал задержать тираж, но, увы, сделать этого не успели.

Произошло следующее...

В конце лета ответственный секретарь А.П.Суржко позвонил В. П. Шарапову и сообщил, что редакция получила прекрасный материал, основу которого составляет переписка двух очень известных российских писателей А. Твардовского и В. Овечкина, автора гремевших на всю страну очерков «Районные будни». В своё время очерки о жизни российской глубинной деревни оказались так востребованы, что по решению ЦК

их читали по всесоюзному радио и полосами печатала газета «Правда».

Суржко сообщил, что материал обсудили на редколлегии и приняли единогласное решение печатать. Однако в тексте упоминаются имена И.В. Сталина и других деятелей партии, поэтому хотелось бы прежде проконсультироваться...

В. П. Шарапов попросил текст, указал на два-три сложных места и в свою очередь попросил согласовать публикацию с Карельским обкомом партии. И с тем ушел в отпуск.

3 сентября Суржко появился в обллите. Он положил на стол старшему цензору Ф. И. Михельсону вёрстку десятого номера, где стояла первая часть переписки. Анатолий Петрович рассказал опытнейшему Францу Ивановичу о предварительной консультации по материалу с его начальником, устранении фрагментов текста, что вызывали обоснованные сомнения. Он сообщил также и о полученных согласованиях в обкоме.

Михельсон позвонил Шарапову, и тот подтвердил, что именно так всё и обстояло. В вёрстке сомнительных мест не оказалось, и 12 сентября Михельсон украсил сигнальный номер «Севера» лиловой печатью «К печати».

Скандал разразился ровно через месяц. 12 октября Шарапов поднял телефонную трубку, накалившуюся от московских громов и молний, и от имени Главлита СССР потребовал от редакции и типографии приостановить работу над очередным номером.

25 октября журнальная вёрстка была доставлена на прочтение в Москву, а 26 октября петрозаводских цензоров собрали на специальное совещание с «разбором полётов». На совещании и выяснилось, что редакция всех банально провела. Ничего-то она в тексте переписки не изменяла и тем более ни с кем её не согласовывала.

В специальном циркуляре Главлита от 20 декабря 1979 года письма Твардовского и Овечкина названы «сугубо личными и доверительными», оценки событий тех лет «субъективными», ссылки на руководителей страны и партии «необоснованными». Кроме того, главное цензурное ведомство указывало на «нежелательные и неправильные» положения, содержащиеся в переписке двух «ныне покойных литераторов».

Главлит отменил «строгое указание» Михельсону, заменив его выговором. Впредь цензорам предписывалось «немедленно докладывать начальнику о всех поступивших на контроль произведениях не местных авторов».

Честолюбивый В. П. Шарапов получил первое дисциплинарное взыскание и прекратил личное общение с сотрудниками редакции. Рядовые цензоры перестали скрывать свою неприязнь и при встрече с сотрудниками (редакция и обллит располагались в пяти минутах ходьбы друг от друга) переходили на другую сторону улицы.

Цензоры в Москве вычитывали продолжение переписки Твардовского и Овечкина вместе с функционерами из Союза писателей СССР старательно и долго. Если вспомнить, какую роль сыграли эти функционеры в личной судьбе самого Александра Трифоновича и его «Нового мира», то можно представить, каким пристрастным было это чтение...

В результате чтения-правки «в две вожи» в публикацию внесли... более четырех десятков поправок. И даже после этого Главлит долго мямлил, не возвращал материал в редакцию, задерживал с разрешением. Вторую часть переписки А. Т. Твардовского и В. В. Овечкина читатели «Севера» увидели лишь в 1980 году (№2).

В 1982 году с подачи Главлита Карельский обком партии устроил обсуждение работы журнала «Север» на секретариате Союза писателей СССР. Позже сам виновник скандала А. П. Суржко писал о тогдашних ощущениях от громкого заседания, призванного, по мысли организаторов, утешить строптивых «северян»:

«Это было частью, эпизодом всеобщей и постоянной всесоюзной игры, вялой, скучной, рутинной лжи, когда одни говорили по обязанности говорить это и делали вид, что не знают, что им никто не верит, а слушающие делали вид, что верят».

«...Никто еще не знал, что через несколько лет начнут стремительно меняться позиции и оценки, что те, кто утверждал и декларировал коммунистические ценности, будут требовать и добиваться запрета компартии, в том числе и сидевшие за столом, а Гусаров, отнюдь не диссидент и не противник социалистической идеи, но не приемлющий способов, а точнее имитации её претворения, из партии не уйдёт принципиально и не примет, не обрадуется тому, чему многие обрадовались сдуру.

Как всегда, били не того...»*

«В редакции просто беда, – писал Д. Я. Гусаров З. А. Богомоловой, – сняли из трёх номеров большой роман В. Маслова, нашу надежду в этом го-

* Анатолий Суржко. День в Москве. Север, 2000, №5-6, с.186.

ду, наше основное ударное произведение... Много и других потерь, порой обидных, но то потери частные. Эта потеря принципиальная: роман поистине серьёзен, правдив, удачен в образной структуре и посвящен очень большим нашим северным проблемам, да и не только северным.

Печатать серую благополучную посредственность? Но кому от неё радость? Да и я уже критически не могу даже читать её без внутреннего раздражения, а что говорить о читателе, который привык ждть от «Севера» чего-то серьёзного и нового?

Если учесть, что недавно мы вынуждены были отказаться от повестей Ю. Галкина, В. Белова, что под сомнением повесть В. Личутина, что снят В. Маслов, что возвращены авторам еще ряд хороших рукописей, – то Вы поймёте моё состояние.

Как видно, сама жизнь ставит передо мной впрямую давний вопрос: надо уходить, чтобы уступить кресло кому-то помоложе, у кого нервы крепче и кто не так болезненно переносит все эти неудачи...»

В конце зимы 1985 года Дмитрий Яковлевич предпринимает отчаянный шаг. Он идёт в обком партии и ставит вопрос о замене его на посту главного редактора. До этого дважды он резко выступал с жесткой критикой в адрес Главлита и его карельского подразделения. В первый раз Гусаров воспользовался трибуной выездного заседания совета по прозе Союза писателей РСФСР в Петрозаводске (1981) и во второй раз во время выступления на Секретариате Союза писателей СССР (1983). Мало того, спустя несколько дней он направил первому секретарю обкома записку, в которой пункт за пунктом разгромил все основные претензии цензурного ведомства в адрес журнала за последние годы.

Теперь обкомом руководил не Сенькин, а В.С. Степанов, исполненный нескрываемого высокомерия к окружающим и жесткий. Но и он оказался не готов к замене Гусарова. Своеобразным жестом поддержки Дмитрия Яковлевича со стороны обкома стало возвращение на журнальные страницы снятого год назад романа В. С. Маслова «Внутренний рынок». К слову сказать, вышедший вскоре в Москве отдельной книгой роман был удостоен премии ВЦСПС*...

...В личном фонде писателя Д. Я. Гусарова в Национальном архиве Карелии хранится тетрадь с выписками из «Дневника» Л.Н. Толстого в отношении цензуры:

«Какое праздное занятие – эта наша подцензурная литература! Всё, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, всё, что разумно, то не допускается. То же и в деятельности общественности. Остаётся забава детская. «Играйте, играйте, дети, чем больше играет, тем меньше возможности вам понять, что мы с вами делаем...»**

Завершая разговор на тему советской цензуры, хочу еще раз напомнить официальное название этого учреждения – Управление по «охране государственных тайн в печати». Что именно компартия в СССР считала государственной тайной, легко можно представить из рассказанного выше.

6

Гусаров всё чаще задумывается об уходе из редакции. Сил становилось всё меньше, и отпуска на всё лето теперь оказывались малы и перестали его удовлетворять. Изредка и только с одним человеком, Зоей Богомоловой, обсуждает тему переезда из Петрозаводска в более теплые края...

Впервые эту мысль, в качестве «далёкой и прекрасной мечты», он высказал в 1976 году, сразу после завершения работы над романом-хроникой и обострения болезни: «Бежать бы мне надо из Петрозаводска из-за климата, бежать в более теплые края, но как убежишь? Мне здесь стало невоготу тяжело жить».

Астма...

Промозглая карельская сырость вела к бесконечным простудам весной, осенью и зимой. Он задыхался и летом в своем дачном доме на берегу красивейшего Кончезера в пригородной Косалме, куда каждый день ездил из Петрозаводска на «Москвиче».

Гусаров не позволял домашним разрабатывать грядки на участке, и за несколько десятков лет он порос настоящим лесом. Узкая береговая полоса между озерным берегом и домом густо заросла тоже. Кусты не пропускали свежего ветра, и в летний зной воздух вокруг дачи становился влажным и пряным. Дмитрий Яковлевич и его дочери Аня и Наталья задыхались в нём...

Несколько раз мы, мужчины из редакции «Се-

* ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

** Национальный архив РК, ф.470, оп.1, д. 77, л.103.

вера», выезжали в Косалму, чтобы проредить участок, аккуратно свалить три-четыре сосны, явно угрожающие дому и линии электропередачи, а с остальных убрать наиболее густые нижние ветви. Очистили от кустов и дом, который от всегдашней сырости и тени начал подгнивать...

Стало будто просторнее, светлее и свежее...

Однако трудно работалось Дмитрию Яковлевичу в его хорошем доме на озерном берегу, с причалом, с которого можно натаскать окуней на уху, и с уютной и тихой мансардой, с видом на кроны сосен, в которой я однажды оставлен был хозяином ночевать.

Он выходил, смотрел на нашу возню издали, пытался помогать. Кто-нибудь, наш ответсекретарь Саша Дороган или завпрозой Гена Малышев, мягко отстраняли Гусарова, и он снова уходил в дом, тяжело опираясь на палку, чтобы через полчаса вернуться.

7

Событие, которое предшествовало нашему личному знакомству, произошло примерно на десять лет раньше, в конце 70-х – начале 80-х. Бывший помощник командира партизанского отряда «Боевые друзья» по разведке В. Г. Юриков прислал в журнал воспоминания о первых месяцах войны. Текст оказался приемлемым для публикации, отряд для Гусарова родной, и тотчас родилась идея дополнить воспоминания Юрикова и подготовить книгу о боевом пути отряда.

По задумке, авторами должны были стать партизаны. Себе же он отводил скромную роль редактора-составителя.

В ту пору я жил в Беломорске. Мне позвонил Дмитрий Яковлевич и рассказал, что начал работу над книгой воспоминаний об истории отряда, в котором воевал. Книга планируется из трех разделов, каждый из которых будет посвящен определенному периоду. История начального периода уже существует. О последних месяцах напишет помощник комиссара по комсомолу И. А. Комиссаров. Но вот об участии «боевых друзей» в бригадном походе И. А. Григорьева на Поросозеро, походах в Заполярье и возвращении в Пудож может рассказать бывший комиссар отряда П.Д.Поваров. Дмитрий Яковлевич просил меня помочь ему в написании воспоминаний.

– Судя по почтовому адресу, – пошутил Д. Я. Гусаров, заканчивая разговор, – он ваш сосед.

Так оно и оказалось. П. Д. Поваров охотно откликнулся на просьбу. В течение нескольких не-

дель мы записали на магнитофонную ленту более шести часов рассказов о жизни отряда, о людях и боевых операциях.

Работа подходила к завершению, когда случилась беда: Петр Данилович перенес сильнейший инсульт. И когда после месяца больницы и нескольких недель санатория мы встретились, чтобы окончить работу, оказалось, что из нас двоих об отряде «Боевые друзья» больше всего знаю я сам. Болезнь словно бы вычеркнула из памяти партизанского комиссара главные события и факты той поры...

Петр Данилович был человеком ответственным и хорошо понимал важность начатой работы. Но что было делать? О «заполярном» периоде войны он ничего вспомнить не мог. И тогда на свет явились военные дневники. Прежде чем отдать их мне, комиссар провел «редакторскую» работу. Она состояла главным образом в том, что он где смог вымарал упоминания о тогдашней своей партизанской любви «Ш» – Шурочке, медсестре Александре Антоновой. Стариковская предупредительность выглядела наивно – об этой любви в отряде было известно всем.

Первый вариант рукописи воспоминаний Д.Я.Гусарову не понравился. И как раз из-за дневника. Дмитрий Яковлевич написал мне 12 июня 1980 года, что мы с Петром Даниловичем «допустили серьезный просчет, положившись лишь на краткие, весьма отрывочные и нередко случайные записи военных лет».

Дмитрий Яковлевич пригласил меня в Петрозаводск. Однако в редакции на улице Пушкинской его не оказалось. И мы с журналистом Валерием Верхоглядовым на его мягкой и скоростной «Паннонии» полетели в Косалму...

Мотоцикл мчался мимо сосновых боров и черных обрывистых скал в наслёпках наползающего мха, вдоль берега прозрачного озера, а я с заднего сиденья обнимал коленями Валерины бока и думал, как предстану перед знаменитым писателем и что скажу. И больше всего на свете мне не хотелось опростоволоситься.

Но знакомство произошло удивительно просто. В рабочих брюках и простой фланелевой рубашке, Гусаров выглядел как обычный городской дачник. Он встретил нас у калитки, показал хозяйство, состоящее из большого дома, крошечной грядки справа у самой калитки и сарайчика-дровяника. Участок разделялся каменистой грядой на две неравные половины: половина, что побольше, полого спускалась к дороге, другая к озеру.

Я заметил, что грядка неподалеку от оживленной дороги – это бесполезно, медики не советуют, мол, пары бензина, свинец и так далее. Дмитрий Яковлевич без улыбки ответил: «Там всё равно почти ничего не растёт. Но моим женщинам этого не говорите...»

На стол в тенистой и прохладной веранде он поставил тарелку с помидорами, нарезал колбасы и налил по стопке за знакомство. После второй, заметив, как трудно входит в меня водка, с интересом спросил, а почему так? Валера весело ответил: «Да не пьёт он...»

«Тогда и я не стану, – обрадовался Дмитрий Яковлевич и с облегчением убрал бутылку. – Мне она тоже без радости».

На этом ритуал знакомства завершился.

После чая вышли на причал, расположились на прогретых до банного состояния досках и заговорили о будущей книге.

«Из всех литературно-документальных жанров дневник является, на мой взгляд, самым трудным и даже скучным для читателя, – продолжил мысль, высказанную в письме, Д. Я. Гусаров. – Его никак нельзя давать большими дозами, тем более если писался он не

за столом, а в условиях военного времени. Вы же понимаете, как это было там? Наспех, в суете и неудобствах. При том, что автор скован всякого рода военными ограничениями цензурного порядка и своей тогдашней малоопытностью...»

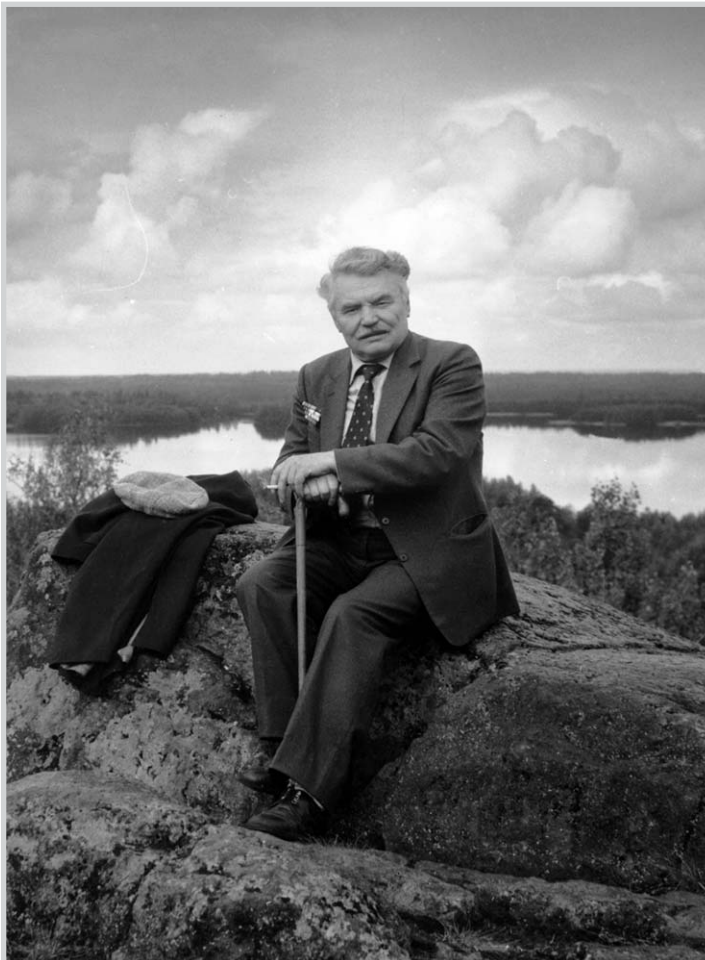
«Но дневник – это документ, – настаивал я. – Читатель скорее поверит документу, написанному пусть не гладко, на колене, но всё-таки именно по следам события, нежели доверится авторскому повествованию, в основе которого только воспоминания... После войны люди прожили целую жизнь. Изменились оценки в обществе, и памятью это не могло не быть отмечено...»

«Мы обязаны думать и о читателе. Наша забота состоит не только в сохранении фактологической точности, но и сохранении художественной правды, – говорил Гусаров. – А такая правда зависит еще и от умения литератора построить сюжет, от продуманной композиции и многого другого, что делает прозу прозой, а книгу книгой...»

Заметив, что мы с Валерой приуныли, – мой товарищ помогал составить свою часть повествования Ивану Александровичу Комиссарову и тоже активно использовал его военный дневник, – Дмитрий Яковлевич принялся нас успокаивать: «Тут нет ни вашей, ни тем более авторской вины. Даже с и м о н о в с к и е дневники военных лет страдают теми же недостатками. Но Симонов, по-

нимая это, не ограничился простой их публикацией, а проделал гигантскую работу для книги «Разные дни войны», придав ей как бы два, а то и три временных пласта повествования...»

Одним словом, Гусаров заставил нас с комисса-

*Д. Я. Гусаров в Паданах.
Фото В. Петухова*

ром Поваровым переделывать рукопись. Он попросил сократить, а кое-где пересказать содержание дневника, добавив крупных планов, а также уточнить некоторые факты в партийном архиве.

...Гораздо позже, в 2004 году, составляя собственную книгу партизанских воспоминаний, я много обдумывал этот наш давний разговор в Косалме. Отношение Гусарова к комиссарскому дневнику мне было понятно. Что нового мог узнать из него он, сотни километров прошагавший в отрядной походной цепочке с неуклюжим «сидором» на тощих мальчишеских плечах? Да ничего. Всё то, что Поваров записывал на желтых листах «полевой книжки», было прожито и им самим.

Но теперь вокруг меня были другие читатели. И им, другим, оказались очень интересны и невероятная по тяжести тайная лесная война, и жизнь в отряде, и партизанские горести и удачи. Этот интерес я отмечал на читательских встречах в глазах школьников и взрослых. И я включил дневник Поварова в книгу отдельным разделом, хорошо понимая, что Гусарову это бы не понравилось...

А тогда, вернувшись из Косалмы, предстояло срочно садиться за доработку книги. Очень непросто оказалось получить допуск к архивным фондам, но куда как сложнее было с «крупными планами». Петр Данилович болел. Воспоминания давались ему с мучительным напряжением воли. Но он выполнил и это последнее партизанское «боевое задание». Семь кратких и емких характеристик мне удалось записать от комиссара Поварова в те дни...

Книга воспоминаний об отряде «Боевые друзья» под редакцией Д. Я. Гусарова вышла в 1983 году. Через пять лет, когда я уже работал в редакции журнала «Север» под началом самого Гусарова, он неожиданно для меня вспомнил первый наш совместный труд. Надписывая в подарок свою книгу «За чертой милосердия», он будто бы наградил меня за него: «Константину Васильевичу Гнетневу на добрую память о временах нашей совместной работы над книгой «Боевые друзья», которая сдурила наши души. Д. Гусаров».

Ни тогда, ни теперь нет для меня похвалы выше...

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

(родился в 1947 г.) – заслуженный журналист Республики Карелия, заслуженный работник культуры Российской Федерации, писатель, председатель Союза журналистов Карелии (1990) и Карельского регионального отделения Союза писателей России (2005). Очеркист, публицист, автор ряда книг документальной прозы. За книгу «Тайны лесной войны» награжден премией Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы. Книга «Беломорканал: времена и судьбы» удостоена специального диплома Ассоциации книготорговцев Карелии на ежегодном республиканском конкурсе «Книга года-2008» и вошла в шорт-лист Литературной Бунинской премии 2009 года.

